

глава 2

1989. Демократическая весна

Я знаю, от чего я бегу, но не знаю, чего ищу...

Мишель де Монтень

1989 г. был переломным. Врезавшаяся в память картина — демократический праздник, фестиваль, на котором красочные действия сменяются одно другим. Схватки избирательной борьбы, неожиданные — и тем более радостные победы. Яростные атаки демократических избранников на Съезде на тех, кто ответствен за неустроенную жизнь, за просчеты и преступления прошлого. Страна, прильнувшая к телевизорам и радиоприемникам (с портативными приемниками не расставались даже на улице, в транспорте, на работе). Казалось, никто не работал, все следили за прямой трансляцией с заседаний Съезда и Верховного Совета. Так выглядели события внешне.

Менее однозначными были глубинные сдвиги. Не только идеологически и политически, но и организационно заявили о себе различные течения, выделившиеся из перестроечного потока. Стало очевидно, что меж ними — не второстепенные различия, а антагонизм. Самостоятельным фактором, определявшим ситуацию в стране, начала проявлять себя социальная усталость. Шел пятый год перестройки, а материальные условия жизни большинства населения менялись — вопреки ожиданиям — к худшему. Летние забастовки шахтеров не оставили в этом ни-

каких сомнений. Изменилась и роль реформаторов в партийном руководстве: они переставали быть единственной движущей силой прогрессивных общественных процессов. Разворачивался теперь уже кризис самой перестройки

Для меня 1989 г. хронологически очерчен двумя знаковыми событиями. Начальная точка — 2 февраля, митинг протеста перед зданием Президиума Академии наук. Завершающее событие — 14 декабря, смерть Сахарова. Тяжкие, непоправимые последствия этой утраты можно оценить лишь по прошествии лет.

Я выношу здесь на суд читателей статью, написанную летом 1989 г. вместе с Аллой Назимовой, сегодняшние заметки на ее полях, вспоминаю о некоторых событиях, участником или свидетелем которых мне довелось быть, и представляю еще две публикации тех лет.

ВЗГЛЯД ИЗ 1989 года. ВЫБОРЫ И ВЛАСТЬ: ПРИДЕМ ЛИ МЫ К ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ ПАРЛАМЕНТУ?¹

«Вся власть — Советам!»

Консерватизм общественного сознания часто проявляется в том, что, вступая на неизведанные исторические пути, люди одевают события в костюмы предшествующей героической

эпохи и осмысливают свои сегодняшние задачи на языке вчерашних или даже позавчерашних, не осуществившихся, но не потерявших своей привлекательности лозунгов. К. Маркс показал, как французские революционеры 1848 г. говорили на языке Великой революции 1789 г. «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»², — писал он. В нашей истории 1917 г. был не менее глубоким историческим рубежом, и не случайно в процессах социального обновления, развернувшихся с середины 1980-х годов, многие теоретики, публицисты и политики увидели «возвращение к истокам», к Ленину, к предоктябрьским и октябрьским идеалам.

В их ряду — девиз «Вся власть — Советам!», который обрел как бы второе дыхание в избирательной кампании 1989 г. Нет необходимости отказываться от слов-символов, если они пустили глубокие корни в общественном сознании, но надо отдавать отчет в том, о каких политических структурах идет речь. В 1917 г., когда Советы жестко противопоставались парламентским учреждениям, быть может, еще можно было добросовестно разделять иллюзию, что Советы, органы «прямого народоправства», не признающего разделения властей, сформированные на основе невсеобщего, неравного, непрямого избирательного права открытым голосованием, — высший тип демократии. Исторический опыт XX в. показал, что отличия советской системы от парламентской в то время, когда Советы еще располагали известной властью — не всей, разумеется, таковой у них не было никогда, — во многом предопределили ее сползание к тоталитаризму.

Сегодня мы должны четко представлять, идем ли мы вперед, к одному из универсальных созданий мировой цивилизации — парламенту, хотя бы он и будет носить у нас имя, возбуждающее романтические воспоминания, или хотим создать нечто, с парламентаризмом имеющее мало общего.

Была историческая ирония в том, что когда Советы окончательно стали чисто декоративной структурой, своего рода «вокзальными пальмами», самое большее — «приводными

ремнями» и «рычагами» партии, как однажды определил их роль Сталин³, им были возвращены некоторые формальные атрибуты парламента и муниципалитетов, а система Советов — объявлена высшим типом парламентаризма. На самом деле им была отведена довольно жалкая роль. <...>

Верховный Совет не располагал ни политическими, ни юридическими механизмами, посредством которых он мог бы реализовать четыре главные функции, без которых нет парламентаризма: выявлять действительную волю избирателей, вести текущую законодательную работу, принимать решения, учитывающие баланс интересов, и осуществлять реальный контроль за их исполнением. Сегодня создание таких механизмов, несомненно, — одна из самых актуальных правотворческих задач. Следует предостеречь, однако, от широко распространившихся иллюзий своеобразного юридического фетишизма: представлений, будто бы стоит принять хорошие законы — и они сами по себе гарантируют необратимость демократических перемен.

Верховный Совет был встроен в социальную систему, в которой не столько законодательство, сколько партийно-государственная практика и общий уровень политической культуры общества предопределяли его недееспособность. Под отведенную ему роль подбирал и назначал депутатов всемогущий аппарат, оформляя свои решения посредством отработанной псевдоизбирательной процедуры. Верховный Совет не избирался — он тщательно конструировался из предварительно подогнанных кубиков.

Съезд народных депутатов в конце четвертого года перестройки избирался в совершенно иной моральной и политической атмосфере по существенно видоизменившимся «правилам игры». Дело, конечно, не в новом избирательном законе. Этот закон, заменивший прямые выборы в Верховный Совет косвенными, потеснивший равное избирательное право с помощью курриальной системы (треть депутатов Съезда посылали общественные организации, выборность от большинства которых была

мнимой), этого средневекового реликта, и воздвигший на пути свободного выдвижения кандидатов заслоны в виде произвольно комплектуемых предвыборных собраний, в некоторых отношениях был хуже предыдущего. И все же выборы в марте—мае 1989 г. стали важнейшим политическим событием с начала перестройки, а возможно, и в более протяженном историческом диапазоне. Перипетии избирательной кампании, стремительное развертывание «низовой» общественной инициативы, яростные контратаки консервативно-охранительных сил — все это довольно подробно освещено в печати. Тем острее потребность понять смысл происшедших изменений и оценить перспективы дальнейшего развития.

Выборы, как и последовавший за ними Съезд народных депутатов, вызвали острое чувство неудовлетворенности, несбывшихся надежд и опасений во всех слоях общества. Они не дали достаточно свободной возможности выбора: слишком жестко и безошибочно во многих местах работали фильтрующие устройства, слишком часто и откровенно производились законные, полузаконные и вовсе незаконные корректировки избирательных процедур, протезировавшие «угодных» и ущемлявшие «неудобных» кандидатов, слишком несовершенен сам избирательный закон, сохраняющий (а в чем-то и усиливающий) возможности исполнительной власти и назначенных ею в избирательные комиссии лиц регулировать процесс выборов на всех стадиях, — такова была более или менее единодушная оценка тех, кто настаивал на более последовательном и решительном проведении курса перестройки.

Но еще более острой была реакция партийно-государственного аппарата и близких к нему кругов. В начале апреля, между первым и вторым турами выборов собрался совместный пленум ленинградских обкома и горкома партии. Справедливо констатируя, что «закончился период политического комфорта», большинство ораторов расценили результаты выборов как «ужасные»: «основной удар был направлен на партию», выяви-

лось «реальное лицо консолидирующегося политического противника», возникла угроза, что «придут другие люди, не исключена возможность, плохо владеющие марксистско-ленинскими идеалами». Признав, что «малоподвижный аппарат», ждавший указаний сверху, проигрывал неформалам в ходе избирательной кампании, и посетовав, «что за 150—200 рублей выходить в массы, особенно сейчас, — надо иметь очень высокое сознание», участники пленума недвусмысленно выразили свое понимание ситуации: «Вещи надо называть своими именами: идет борьба за политическую власть»⁴.

В Ленинграде была произведена пристрелка. На драматическом Пленуме ЦК 25 апреля 1989 г. многие члены ЦК, в том числе оставшиеся в нем и подавшие в отставку, секретари обкомов, обеспечившие себе депутатские мандаты и потерпевшие поражение в избирательной борьбе, повели фронтальную атаку на средства массовой информации, «провоцирующие дестабилизацию и слухи» и договаривающиеся «почти до ревизии марксистско-ленинского учения» (В. И. Мельников), на неформалов, «слишком вольно толкующих понятия «демократизация» и «гласность» (В. К. Месяц), на «определенные силы», которые «задались целью потеснить, а при возможности лишить нашу партию ее руководящей роли... вбить клин между партией и народом» (А.-Р. Х. Везиров), на «нарастающее давление извне», которое испытывает телевидение со стороны тех, кто использует «любую возможность для протаскивания своих особых взглядов, мнений, часто нездоровых и тенденциозных» (А. Н. Аксенов).

Обвинения, однако, были брошены не только «идеологическим диверсантам», угрожающим «привить нашим людям своего рода идеологический СПИД» (А.-Р. Х. Везиров). Счет был предъявлен — настолько открыто, насколько это могли себе позволить люди, много лет делавшие карьеру в условиях жесткой субординации, — высшему политическому руководству. Весьма прозрачно прозвучал в устах В. Т. Сайкина намек на тех, кто «готовы ради “демократической” идеи поступиться и самой Со-

ветской властью, и ленинской партией», и уж совсем впрямую высказали осуждение секретарям ЦК, ведающим идеологией, А. Г. Мельников и Р. С. Бобовиков. Участники Пленума потребовали не отступать перед общественным давлением и ни в коем случае не допускать «выхолащивания сути» известного Указа Президиума Верховного Совета от 9 апреля 1989 г. о государственных преступлениях, чуть позже существенно видоизмененного все же Верховным Советом (В. К. Месяц, Р. С. Бобовиков), а А. П. Мясников прямо подвел своих политических оппонентов под формулировку этого Указа: «оголтелое критиканство с целью дискредитации партийных и государственных органов»⁵.

Апрельский Пленум выявил не только оценку, которую дал выборам партийный аппарат, но и пределы его влияния на высшее политическое руководство. Во-первых, никаких решений, которые зафиксировали бы пожелания большинства ораторов как позицию ЦК, принято не было, а заключительное слово М. С. Горбачева, которое по традиции можно было считать установочным документом Пленума, было выдержано в совершенно иных, достаточно спокойных тонах. В нем была решительно отклонена «ностальгия по авторитарным методам». Во-вторых, неожиданно для многих ораторов, предназначавших свои излияния для узкого круга, их речи, вопреки установившейся практике, были преданы гласности. В-третьих, была успешно проведена беспрецедентная операция удаления из состава высших партийных органов 110 пенсионеров, многие из которых едва ли испытывают особые симпатии к переменам, но откликнулись на «инициативу» коллективной отставки вполне в духе принятого в партии равнения на явно или неявно выраженные пожелания «верха». Это не изменило радикально соотношения сил в ЦК, но, вероятно, несколько укрепило позиции возглавляемой М. С. Горбачевым группы реформаторов в высшем руководстве.

Исход Пленума был крайне важен для дальнейшего развития событий, для самого созыва Съезда народных депутатов, до которого оставался еще целый месяц. Были ли беспочвенны опасения,

что достаточно влиятельные силы могли бы, будь их власть, поступить со Съездом так же, как их предшественники обошлись с XIV съездом КПЧ, назначенным на сентябрь 1968 г.? В какой мере действительные результаты выборов оправдывали страх консервативной части руководства перед разноликостью общественной инициативой, проявившейся в избирательной кампании? Кто был избран на Съезд народных депутатов, когда принципы рядки если и не перестали действовать, то были существенно ослаблены?

НОВЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ

Чтобы ответить на этот вопрос, начнем с сопоставления социально-профессиональной структуры Съезда народных депутатов и предшествующего Верховного Совета. В табл. 2 сведены несколько перегруппированные данные Ю. Буртина, относящиеся к 1984 г.⁶, и наши подсчеты по 2250 депутатам, избранным в марте—мае 1989 г. по территориальным, национально-территориальным округам и по спискам общественных организаций.

Таблица 2. Социально-профессиональный состав Верховного Совета СССР (1984 г.) и Съезда народных депутатов СССР (1989 г.)

Социально-профессиональная группа	Число депутатов		%	
	1984	1989	1984	1989
1. Высшее политическое руководство	23	15	1,5	0,7
2. Верхний эшелон управления*	450	339	30,0	15,1
В том числе: первые и вторые секретари обкомов, крайкомов, горкомов КПСС крупных городов	181	162	12,1	7,2

Продолжение табл. 2

Социально-профессиональная группа	Число депутатов		%	
	1984	1989	1984	1989
ответственные работники ЦК КПСС	19	14	1,3	0,6
руководители Верховных Советов СССР и союзных республик	26	14	1,7	0,6
министры СССР и их заместители	90	1	6,0	0,04
председатели советов министров союзных и автономных республик	27	43	1,8	1,9
высшие военачальники (заместители министра обороны, командующие округами и группами войск)	53	38	3,5	1,7
высшие руководители КГБ (заместители председателя союзного и председатели республиканских КГБ)	16	10	1,1	0,5
высшие профсоюзные руководители	15	18	1,0	0,8
высшие руководители академий наук **	18	37	1,1	1,6
3. Средний эшелон управления *	149	483	10,0	21,5
В том числе:				
секретари горкомов КПСС средних и малых городов, зав. отделами обкомов и горкомов ГК КПСС, секретари РК КПСС	...	39	...	1,7
директора и главные специалисты промышленных предприятий	...	120	...	5,3
директора институтов АН СССР, директора отраслевых НИИ и КБ, ректоры университетов и других вузов	...	95	...	4,2
председатели и другие ответственные работники творческих организаций на республиканском уровне	...	59	...	2,6

Продолжение табл. 2

Социально-профессиональная группа	Число депутатов		%	
	1984	1989	1984	1989
4. Нижний эшелон управления ***	99	626	6,6	27,8
В том числе:				
председатели колхозов	56	120	3,7	5,3
директора совхозов	9	51	0,6	2,3
ИТОГО (1 + 2 + 3 + 4)	721	1463	48,1	65,1
5. Рабочие, колхозники, служащие-неспециалисты	688	496	45,9	22,0
В том числе:				
индустриальные рабочие	364	312	24,3	13,9
рабочие совхозов ****	150	76	10,0	3,4
колхозники ****	159	100	10,6	4,5
служащие	15	8	1,0	0,4
6. Работники высококвалифицированного умственного труда***	90	221	6,0	9,8
В том числе:				
инженеры и техники	5	31	0,3	1,4
врачи ***	15	9	1,0	0,4
учителя ***	15	40	1,0	1,8
научные работники, художники, писатели, журналисты и т. п.	27	137	1,8	6,1
7. Прочие	...	70	...	3,1
ВСЕГО	1499	2250	100,0	100,0

* 1984 г. — наша оценка (Ю. Буртин данные по депутатам, отнесенным к верхнему и среднему эшелонам управления, представил в нерасчленном виде).

** 1984 г. — неполные данные.

*** Данные за 1984 и 1989 гг. не вполне сопоставимы, так как Ю. Буртин директоров школ включил в число учителей, а руководителей медицинских учреждений и их подразделений отнес к врачам. Соответствующий пересчет уменьшает численность нижнего эшелона власти в 1989 г. на 128 человек (до 22,1%) и увеличивает число врачей до 79 (3,5%), учителей — до 73 (3,2%) и в целом число депутатов-работников высококвалифицированного умственного труда — до 349 (15,5%).

**** Из числа колхозников и рабочих совхозов в 1989 г. особо выделены работники, занятые в арендных и подрядных коллективах (см. раздел «Прочие»). К этой группе отнесены также занятые в кооперативных и государственно-кооперативных предприятиях.

Примечание

В данной таблице скомбинированы данные таблиц 1 и 2 нашей статьи. 1984 г. — за основу взяты расчеты Ю. Буртина (Известия. — 1988. — 28 апр.); 1989 г. — наш подсчет. Распределение депутатов СНД СССР по выделенным социально-профессиональным группам дано по состоянию на момент выборов (Известия. — 1989. — 5 и 24 апр.).

Как показано в табл. 2, на Съезде по сравнению с прежним Верховным Советом несколько сократилось в соответствии с законом, отстраняющим членов правительства от участия в законодательном органе, представительство высшего политического руководства — членов и кандидатов политбюро и секретарей ЦК. Это, однако, не имеет сколько-нибудь существенного значения, ибо влияние данной группы, в том числе и в высшем государственном органе, определяется не ее численностью, а особым местом во всей общественно-политической жизни страны. Она, несомненно, обладает значительной автономией по отношению ко всем остальным политическим институтам (в том числе и Пленуму ЦК партии) и принимает все главные политические решения, в большей или (в недавнем прошлом) меньшей мере сообразуясь с обстановкой, но практически всегда обладая уверенностью, что ее решения, какими бы они ни были, будут легити-

мированы надлежащими инстанциями и станут, опять же с большей или меньшей эффективностью, проводиться в жизнь. Так было до сих пор. Так, скажу, чуть забегаая вперед, останется и поныне.

Даже при беглом взгляде на таблицу обращает на себя внимание, что представительство верхнего и среднего эшелонов управления на относительно состязательных выборах 1989 г. в абсолютном выражении существенно увеличилось, а их совместная доля не очень заметно сократилась по сравнению с 1984 г. Но все же колоссальный сдвиг произошел. Ведь одна только принадлежность к верхнему эшелону гарантировала в прошлом депутатское кресло. В полном составе в Верховный Совет входили главные местные партийные руководители и руководители аппарата ЦК партии, практически все союзные министры, главы правительств союзных республик и т. д. <...>

На выборах 1989 г. лица, занимавшие высшие должности некоторых категорий, получали, как правило, режим наибольшего благоприятствования со стороны избирательных комиссий и местных властей. Достаточно сказать, что из 191 секретаря ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, выступавших на выборах, только 65 имели конкурентов. Это, однако, ни в коем случае не давало гарантии выдвижения и избрания. <...> Нетрудно заметить, однако, что общее представительство партийных руководителей республиканского, краевого и областного уровня на Съезде по сравнению с Верховным Советом 1984 г. сократилось незначительно и их группа — одна из самых многочисленных. Несмотря на неприятные неожиданности депутатами Съезда стало подавляющее большинство соответствующих кандидатов.

Законодательство различных стран по-разному решает вопрос о допустимости сохранения парламентских мандатов за министрами. В наших условиях, когда вопрос о разделении законодательной и исполнительной власти стоит с чрезвычайной остротой, исключение министров из органа власти, который

в идеале должен осуществлять эффективный контроль над правительством, — шаг вперед. <...> Большинство министров устранено из органа, который должен контролировать их деятельность.

По традиции и в ЦК, и в Верховном Совете издавна были внушительно представлены своей верхней иерархией армия и КГБ. На Съезде народных депутатов число военачальников высокого ранга по сравнению с предыдущим составом Верховного Совета несколько сократилось. <...> Что же касается КГБ, то в отличие от прежнего он не представлен в высшем органе власти ни одним работником центрального аппарата. <...>

На Съезде народных депутатов в неизмеримо большей пропорции, чем прежде, представлены средний и нижний эшелоны управления. <...> Хотя их назначение или утверждение на служебном посту производилось в большинстве случаев по правилам номенклатуры, кандидатами в депутаты они были выдвинуты не по должности или, во всяком случае, не главным образом по должности, ибо отбор производился из достаточно широкого круга потенциальных претендентов. Для избирательной победы некоторых из них партийный и государственный аппарат приложил немалые и нескрываемые усилия (характерные примеры — директор ЗИЛа Е. А. Браков, потерпевший поражение в борьбе с Б. Н. Ельциным, и директор часового завода А. С. Самсонов, выигравший мандат в результате, как было сказано на Съезде, грубых нарушений Положения о выборах). Но в составе этой группы немало людей, заявивших себя решительными сторонниками углубления демократической ориентации перестройки и получивших внушительную поддержку «снизу». В их числе, в частности, были ректор Московского авиационного института Ю. А. Рыжов, открывавший Всесоюзную учредительную конференцию «Мемориала», главный редактор журнала «Нева» Б. Н. Никольский, против которого яростную кампанию вели, с одной стороны, активисты экстре-

мистского крыла «Памяти», а с другой — работники партийного аппарата⁷. Были и многие другие.

Еще менее predeterminedены изначально были выдвижение и избрание лиц «младшего комсостава» — начальников цехов и отделов предприятий, заведующих лабораториями и кафедрами, председателей колхозов, директоров совхозов и т. д. В прежних составах Верховного Совета они (за исключением разве что колхозных руководителей) были представлены лишь символически, в каждом случае несколькими тщательно отобранными «выразителями». Ныне председатели колхозов и директора совхозов вместе с их заместителями, главными специалистами, заведующими отделениями, а также руководители агрофирм и т. д. (которых еще не было в 1984 г.) на Съезде народных депутатов образуют одну из самых многочисленных групп — 226 человек, 10% всех его членов. <...>

Одна из самых злостных и опасных спекуляций по поводу выборов происходила вокруг сокращения, абсолютного и относительного, депутатов-рабочих и крестьян на Съезде. «Рабочие сейчас поняли, что их обманули», — заявил на бюро Одесского обкома партии один из секретарей райкомов⁸, и это было лишь началом постыдной кампании, призванной обострить чувство социальной ущемленности рядовых трудящихся и направить его против интеллигенции, будто бы воспользовавшейся в своекорыстных интересах «свободной игрой сил» на выборах.

Верховный Совет 1984 г., как и предшествующих созывов, был основательно поляризован, крен в пользу поголовно представленной «номенклатуры» выправлялся столь же резким креном, «благоприятствовавшим» (разумеется, лишь чисто номинально) рядовым рабочим и крестьянам. Это относительное «вымывание» «средних слоев» подметил в свое время Ю. Буртин. Избирательный процесс 1989 г. эту конфигурацию изменил и «сверху», и «снизу». Депутатский домен номенклатурной верхушки был урезан, как мы видели, главным образом в пользу среднего управленческого эшелона. Отныне в нашем высшем го-

сударственном органе в соответствии с их возросшей социальной ролью будут играть большую роль группы, которые на Западе принято называть технократическими. Многие из них принесут туда свой полезный, хотя и ограниченный социальный опыт.

Места от рабочих, крестьян, служащих-неспециалистов, составлявших в прошлом почти половину Верховного Совета, также перераспределились. При этом почти все они перешли вовсе не к рядовым, не занимающим административных постов интеллигентам, а в нижний эшелон управления: от колхозников — к председателям колхозов, от промышленных рабочих — к начальникам цехов и участков. Но даже сократившись в числе, депутатские группы рабочих и колхозников все равно принадлежат к самым крупным на Съезде, а по удельному весу — превосходят международные стандарты, в том числе и ряда социалистических стран.

Самое же основное заключается в том, что в высшем органе власти, особенно в сложный, чреватый очень серьезными социальными потрясениями период, нужны не просто рабочие, колхозники, партийные работники, специалисты и т. д. Необходимы люди, обладающие не только житейским опытом, самостоятельной позицией, личным мужеством, но и широким, профессиональным, квалифицированным пониманием уникальной экономической и социально-политической ситуации и видением социальной перспективы, а также умением учиться. Такие люди есть, разумеется, во всех слоях общества, но нет ничего удивительного, что среди интеллигенции, в особенности научной и творческой, они оказались наиболее заметны и, так сказать, общественно проверены первыми годами перестройки. Собственно, интеллигенция и должна выдвигать лидеров, выражающих общественные, а не одни лишь ее частные интересы. Таков закон любого общества, если только оно социально, интеллектуально и морально не деформировано до предела. <...>

Продвижение рядовых специалистов, в особенности научной и творческой интеллигенции — один из самых заметных фе-

номенов состоявшихся выборов. Это видно из табл. 2. Но если учесть, что общественно-политические позиции внутри данной группы далеко не всегда коррелируют со статусом, а границы между учеными и творческими работниками, не занимающими административных постов, и низшими и средними администраторами — руководителями кафедр, лабораторий, институтов, театров и т. д. — весьма условны и подвижны, немалый интерес представляют суммарные показатели, охватывающие представительство всей данной социально-профессиональной группы (исключая разве что научных менеджеров из верхнего эшелона, число которых невелико, а положение специфично). При таком подсчете общее число ученых, журналистов и творческих работников, избранных на Съезд, — 593 человека, 26,4%.

В составе Съезда появились также группы депутатов, которых прежде не было в Кремлевском дворце: священнослужители, сельские арендаторы, руководители арендных коллективов и кооперативов, пенсионеры. Новый верховный орган, безусловно, отражает социальный плюрализм нашего общества в неизмеримо большей степени, чем все предыдущие.

В новой системе власти Съезд народных депутатов наделен высшими полномочиями. Рядом с ним поставлен Верховный Совет, подчиненный Съезду, но способный оказывать более устойчивое, постоянное и оперативное влияние на государственную жизнь. Еще в процессе обсуждения конституционных изменений эта двухэтажная конструкция подверглась серьезной критике: замена прямых выборов в Верховный Совет косвенными разорвала непосредственную связь между избирателями и депутатом, наделила часть депутатов более широкими правами и облегчила возможности вернуться к регулированию состава Совета. Не случайно накануне новых выборов во многих регионах (Украина, Белоруссия, Прибалтика и др.) под сильным давлением снизу эта двухступенчатая недемократическая система была отменена. Но в центре мы получили не избранный, а сконструированный Верховный Совет. Депутатам Съезда пришлось не выбирать на

состязательной основе членов Верховного Совета, как они сами избирались в большинстве округов, а в подавляющем большинстве случаев просто санкционировать назначения, предварительно осуществленные региональными делегациями, т. е. практически секретарями обкомов. <...>

Интересно посмотреть на состав высшего органа государственной власти в еще одном разрезе — представительства в нем депутатов, избранных на неальтернативной основе. <...> Поскольку организация выборов, отбор кандидатов и отсеечение неугодных еще до внесения в избирательные бюллетени в значительной мере осуществлялись под давлением старого партийно-государственного аппарата, весьма показательным, кому именно — людям из каких социально-профессиональных групп — этот аппарат создавал условия наибольшего и кому — наименьшего благоприятствования, кому обеспечивалась наибольшая вероятность прохождения в депутаты.

Речь идет о выборах примерно в 400 территориальных и национально-территориальных округах и от общественных организаций, пославших на Съезд значительное число депутатов: КПСС, колхозов, объединяемых Союзным советом колхозов, потребительской кооперации и Всесоюзной организации ветеранов войны и труда, в избирательных бюллетенях которых число кандидатов оказалось равным числу выделенных им по закону депутатских мест. <...> В итоге объектом анализа стали 670 народных депутатов СССР, около 30% всего их состава. Это не исчерпывающий, но почти полный, видимо, лишь за несколькими исключениями, список безальтернативных избранных. <...>

Безальтернативный режим был в первую очередь распространен на две социально-профессиональные группы: руководителей высшего звена и пенсионеров (среди которых тоже немало бывших руководителей). Партийные инстанции, занимавшиеся выборами, не сочли возможным рисковать избранием на Съезд тех 15 членов высшего политического руководства, которые мог-

ли стать народными депутатами по положению (т. е. кроме министров) — все они без исключения были избраны безальтернативно. Ведущее место среди безальтернативно избранных депутатов принадлежит членам верхнего эшелона управления: на их долю приходится треть всех таких депутатов (в два с лишним раза больше их доли среди всех депутатов), и только треть руководителей этого ранга, попавших на Съезд, прошла альтернативные выборы. Особенно благоприятные условия в данном эшелоне власти были обеспечены первым лицам партийного аппарата на местах (включая вторых секретарей ЦК компартий союзных республик, которые, по заведенной практике, также являются там в некотором роде «первыми» руководителями) и ведущим армейским генералам.

Все остальные социально-профессиональные группы среди безальтернативных депутатов представлены в меньшей пропорции, чем средний показатель этой категории избранных на Съезде вообще. Исключение составляют колхозники, что определяется, видимо, спецификой избирательной кампании в сельских территориальных и национально-территориальных округах и высокой квотой, выделенной Союзному совету колхозов. <...> Что же касается индустриальных рабочих и рабочих совхозов, то безальтернативная система вовсе не была к ним особенно благосклонна: преобладающая часть первых и вторых (252 из 312 и 59 из 76 соответственно) была избрана как раз на альтернативных выборах. Это, на наш взгляд, серьезный довод против демагогических утверждений, будто бы слабость кандидатов-рабочих на состязательных выборах надо компенсировать антидемократическими предпочтениями, искусственно понижать для них уровень состязательности.

Наименьший «выигрыш» от безальтернативных вариантов выборов получили депутаты — рядовые интеллигенты. <...>. Не занимающие административных постов научные работники, составившие 3,4% депутатов Съезда, завладели лишь 1,0% безальтернативных мандатов, научные работники — руководители

нижнего звена — соответственно 3,4 и 0,9%, инженеры и техники — 1,4 и 0,3%, рядовые журналисты — 1,0 и 0,1% и т. д.

Так выглядят высшие органы государственной власти, возникшие на первом этапе политической реформы. Смогут ли они дать старт парламентаризму и открыть новую эпоху в истории нашей страны? Чтобы ответить на этот вопрос, недостаточно учесть социально-профессиональный состав Съезда, Верховного Совета и его Президиума, ибо жесткой связи между социальным положением депутата и его политической позицией нет. Из анализа структурных параметров Съезда и Верховного Совета вытекает, что серьезно поколеблен, хотя и не полностью преодолен номенклатурно-разнарядочный принцип формирования этих органов, без чего о восстановлении власти Советов в нашей стране, не говоря уже о парламентаризме, не могло быть и речи. Но для ответа на главный вопрос, сложились ли в 1989 г. предпосылки для перехода власти к Съезду, избранному народом на всеобщих выборах, необходимо отдать себе отчет, во-первых, в том, в какой мере готовы уступить власть те партийные и государственные институты, которые ею до сих пор безраздельно владели, и, во-вторых, готово ли это собрание повести борьбу за власть, стать если не де-юре, то хотя бы де-факто Учредительным собранием. Итак, с чем пришли на Съезд партия и Советы?

ПАРТИЯ

Итоги выборов для партии и в официальных документах, и в политической публицистике оценены по-разному. То обстоятельство, что на Съезд не были избраны некоторые известные партийные деятели, а также люди, в пользу которых из всех сил и всеми средствами вел кампанию аппарат (подчас достигая обратного эффекта, как это произошло, например, в Московском национально-территориальном округе № 1 и резонансом распространилось на многие другие округа), как мы видели, многими представителями этого аппарата было расценено как поражение партии. Оппоненты этой точки зрения приводят свои

доводы: говорить о поражении партии на выборах можно, лишь если под партией понимать верхние этажи ее аппарата, главным образом местных иерархов. Вообще же представительство членов партии в высшем органе государственной власти заметно увеличилось. В 1984 г., когда господствовала разнарядка, членами и кандидатами партии были 71,4% депутатов. Пять лет спустя их доля среди выдвинутых кандидатов поднялась до 85,3%, а среди избранных — даже до 87%.

Такого избирательного успеха у партии никогда не было в прошлом, и, как нам кажется, уже не будет впредь. Ибо за общими цифрами этими стоят весьма различные, нередко разнонаправленные движения, деятельность «левых» и «правых», «консерваторов» и «радикалов», номенклатурных работников и активистов многих неформальных организаций. Стоит та ступень самосознания общества и его политического развития, когда дифференциация позиций не получила отчетливого организационного выражения: страна не подошла еще к многопартийной системе, а в партии не оформились реально существующие уже платформы. Если вынести за скобки то, чего кандидаты в депутаты обещали добиваться для своих регионов, предприятий и организаций, то останется во многом сходный набор требований и пожеланий, более или менее тщательно продуманных и различающихся главным образом акцентами и иерархией поставленных задач. Тем не менее избиратели не раз довольно точно улавливали основную суть гражданской позиции кандидатов и голосовали в соответствии не только с личностными, но и политическими предпочтениями. Консолидация групп депутатов со сходными позициями по основным проблемам нашего экономического, социального, национального, политического развития уже началась. «Баррикады перестройки» пересекают саму партию, и остановить этот процесс, не «закрывая» перестройку, нельзя.

Известен довод: партия начала перестройку, и только партия может довести ее до конца. И то, и другое утверждение преднамеренно или непреднамеренно затемняет суть проблемы, ибо

партия давно уже — очень сложный политический и социальный агрегат, разные части которого думают и действуют по-разному, занимают разные позиции в обществе. На память сразу приходит оруэлловский образ: «внутренняя» и «внешняя» партии. Образ этот, однако, уже не отражает расчленения ни той, ни другой части партии.

Особое место в составе «внутренней» и всей партии занимает высшее политическое руководство. «...Правительство все еще единственный европеец в России», — когда-то сказал Пушкин⁹. Похоже, что высшее политическое руководство у нас если и не единственная, то все еще главная моторная сила общественных изменений в стране. Вещи надо называть своими именами: именно оно, а не вся партия, и тем более не ее номенклатура, начало перестройку. Этим началом мы обязаны тому, что люди, оказавшиеся способными увидеть симптомы нарастающего кризиса, а не упоенные властью, почестями, благами «постбрежневцы» и неосталинисты одержали победу в острой схватке в марте 1985 г. за ключевую пост в партии над гробом самого бесцветного и ничтожного лидера за всю ее историю. <...> Вслед за тем состав допущенных в «комнату с кнопками» постепенно обновлялся, и к настоящему времени в политбюро осталось лишь двое из десяти членов, входивших в него в марте 1985 г., да и после того в высшем эшелоне происходили постоянные изменения: одни входили и выходили, другие перемещались внутри него, и политические позиции оставшихся вряд ли пребывали неизменными.

Гарантом перестройки была не партия — ее официальные структуры были приспособлены лишь к «единодушному одобрению» решений руководства, каковы бы они ни были, — а, во всяком случае, до недавнего времени — счастливо складывавшееся, хотя, вероятно, и не раз подвергавшееся испытаниям, соотношение сил в пользу М. С. Горбачева и его сторонников. Высокая концентрация политической власти в центре и его относительная самостоятельность в принятии ключевых решений, его способность понять некоторые императивы современной эпохи сдвину-

ли ситуацию с мертвой точки и облегчили начало перемен. Но все это не может обеспечить ни их успешного завершения — перехода экономики и общества в новое качество, ни даже непрерывного и последовательного движения к этой цели. <...>

Начав действительные изменения, новое руководство оказалось в сложных отношениях с весьма обширным слоем партийно-государственного аппарата, политические воззрения которого формировались в годы так называемого застоя или даже раньше. Необходимость каких-то перемен к середине 1980-х годов в большей или меньшей степени осознавали все. Но чем более определенно высшее руководство формулировало цели перестройки и чем выше поднимались волны «низовой» инициативы, тем отчетливее заявляли о себе консервативно-охранительные силы, вовсе не намеренные расставаться со своими привилегиями и главной из них — на свою долю власти. Все яростнее становятся их нападки на гласность, все настойчивее звучат требования обуздать самостоятельные общественные организации, все более неприкрыто высказываются упреки допускающему «послабления» Центру. Чуть позже, в ноябре 1989 г., была развернута невиданная атака на политбюро и ЦК на митинге, организованном Ленинградским обкомом. Многие наблюдатели обратили внимание на то, что если бы партийный список, предложенный в марте 1989 г. расширенному пленуму ЦК, включал не ровно сто кандидатов, а на два больше, на Съезд не были бы избраны оба видных лидера — Е. Лигачев и А. Яковлев, наиболее четко воплощающие различия в подходе к перестройке. Но если бы в список были внесены, скажем, еще два десятка кандидатов с нейтральной политической позицией, за чертой осталось бы всё политбюро вместе с деятелями науки и культуры — известными сторонниками перестройки.

Похоже, что и высшее руководство (равно как и его наиболее доверенные лица, которые наделены правом принимать ответственные политические решения) не всегда остается устойчивым перед этим давлением. Снова и снова появляются

призраки реставрации прежнего порядка — то в виде идеологического прессинга в защиту известных «принципов», то в виде поразительных указов, то в виде мобильных карательных подразделений, возникающих как из-под земли в Минске, Ереване, Тбилиси, то в виде некоторых безответственных заявлений и решений на самом ответственном уровне. Видимо, возможности высшего руководства продолжать курс на глубокие реформы, используя многократно испытанные в прошлом механизмы и опираясь на безусловную лояльность номенклатурного «актива», подходят к критическому пределу.

Не менее глубокие изменения произошли и во «внешней партии». Она переставала быть политически и организационно аморфной массой, пассивно воспринимающей воздействие «рычагов». Перестройка выдвинула свой партийный и беспартийный актив. Силы, которые вначале выступали лишь как эшелон поддержки прогрессивных решений центральной власти, постепенно обретали собственный политический опыт, вырабатывали концепцию перемен, ориентируясь на более последовательное и решительное проведение преобразований. Выборы на Съезд народных депутатов стали для них серьезной, незнакомой дотоле школой борьбы. В нее были вовлечены довольно широкие массы. На волне нарастающей политизации в стране начали формироваться подлинные, а не аппаратно-декоративные «блоки коммунистов и беспартийных», отнюдь не объемлющие целиком тех и других, но доказавшие свое влияние. <...> На поверхность вышло то, что существовало в скрытом виде уже давно: 18-миллионная партия — вовсе не идиллическое сообщество единомышленников, в ней мирно или немирно сосуществуют все взгляды и позиции (порой резко конфронтующие, взаимоисключающие), которые есть в обществе. <...>

Уже в ходе избирательной кампании возник вопрос, постановка которого привычна в парламентских системах Запада и была бы совершенно непредставима у нас еще в недавнем прошлом: чем в первую очередь должно определяться поведение де-

путата — партийными решениями и дисциплиной или волей избирателей? Депутат А. М. Емельянов с трибуны Съезда дал однозначный ответ: «Народ выше партии. Наш Съезд выше съезда партии. Верховный Совет выше Центрального Комитета партии. Конституция выше Устава партии. Партия функционирует в рамках Конституции, разработанной представителями народа. И это определяет наши приоритеты. Прежде всего каждый из нас депутат, а потом уже член партии»¹⁰. Эта позиция, конечно, решительно порывает со всей нашей политической практикой и вчерашнего, и даже сегодняшнего дня. <...>

Нельзя отрицать, конечно, что состав партийных комитетов за два тура выборов (в 1985—1986 и 1988—1989 гг.) существенно обновился. В них пришло, вероятно, немало людей разумных и готовых к благим переменам. Но, не говоря уже о том, что во многих, если не большинстве обкомов и крайкомов дело свелось не к выдвигению актива перестройки, а к пересаживанию людей из второго в первый ряд, непоколебленной осталась сама недемократически-централистская система. В партийной печати, начиная с 1986 г., широко освещались отдельные эпизоды выборов на альтернативной основе. Насколько широко распространился позабытый уже в нашей партии порядок? Общая цифра — 1117 секретарей райкомов и горкомов, выбранных к лету 1989 г. из альтернативных кандидатов, — впечатляет. Но это всего лишь 8,6% от общего числа секретарей, причем первые секретари из них — только 269 человек (6%). Существенной властью, как известно, обладают лишь партийные органы не ниже уровня обкомов. Прогрессивный принцип был применен при выборах 7 их секретарей (1%)¹¹. Для сопоставления напомним, что альтернативные выборы в том или ином виде прошли около 70% депутатов Съезда. Важнее этих показателей, однако, то, что внедряемая сверху альтернативность остается в значительной мере формальной, ибо выдвижение из нескольких кандидатов производит аппарат из своих же рядов, а масса членов партии действующим уставом, инструкциями

и заведенным порядком отстранена от реального выбора, даже от возможности серьезно повлиять на него. Это отчетливо проявилось при смене первого секретаря столичного горкома в ноябре 1987 г.¹²

Признано официально: демократизация в партии серьезно отстает от демократизации в стране, от политизации общества. К этому следует добавить, что в партии, как и во всем обществе, ускоряется политическое расслоение, в ней давно уже сложились идеологически и начали процесс организационного оформления различные, подчас диаметрально противоположные платформы.

При нормальных условиях в одной политической партии не могли бы сосуществовать столь разные унастроения и течения. Но все дело в том, что условия в стране — не нормальные, а переходные. В интересах общества — да и подавляющего большинства членов самой партии — не взрывной, а плавный переход. Это, конечно, не может произойти в одночасье. Почти три четверти века партийные структуры власти и контроля занимали центральное место не только в политической, но и в экономической системе советского общества. Их внезапный уход с арены в результате самоустранения или распада чреват непредсказуемыми, возможно, катастрофическими последствиями.

Похоже, что руководящий штаб партии не желает, конечно, самоустранения, но не вполне отдает себе отчет в опасности неконтролируемого распада. Законсервировать бывшее «единство» партии и ее роль «партии-государства» можно только так, как это делали в Китае летом 1989 г. Путь этот бесперспективен и гибелен для великой страны. Существующие же структуры в политически пробудившемся обществе перегрузок не выдерживают. Цепочка «политбюро — ЦК — партия» растягивается и рвется на глазах. В публичных выступлениях членов политбюро «прочитываются» различия в их ориентациях. ЦК, избранный в начале 1986 г., на заре перестройки, даже после корректиров-

ки его состава на апрельском пленуме 1989 г. едва ли адекватно отражает соотношение сил в партии.

Мы полагаем, что в партии есть силы (это подтверждают выборы, социологические опросы, материалы печати), которые, должным образом организовавшись, могли бы на базе союза разных, но совместимых платформ повести ее по польско-венгерскому пути, т. е. из «авангардной партии нового типа» превратить в парламентскую партию социалистического или социал-демократического характера, которая, конкурируя с другими политическими партиями и организациями, может получить мандат на управление только на свободных выборах. Это превращение — даже если последовательно «перестроечным», демократическим силам удастся взять в свои руки инфраструктуру партии — тоже не может, конечно, произойти безболезненно и моментально. Вероятно, отпали бы крайние течения, ушли пассивные члены партии. Величайшая опасность — в том, что затягивается начало процесса. Нужен принципиально новый программный документ — наш Бад-Годесберг¹³. Необходима демократическая реорганизация структур партии и, прежде всего, реальная выборность всех руководящих органов. Нужен съезд партии, который стал бы по своему значению учредительным. Время покажет, справится ли с этой задачей XXVIII съезд.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОГО ПРОТОПАРЛАМЕНТА.

СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Продвижение политической реформы, хотя и неровное, непоследовательное, происходило пока главным образом на советском фланге. Весной 1917 г. Советы, как известно, едва появившись в политически разреженном пространстве, сразу стали «сдавать» власть. Съезд народных депутатов, возникший рядом с жесткими структурами власти, по крайней мере на своей первой сессии, не обнаружил заметного желания, не говоря уже о способности, ее брать. Абсолютная управляемость зала из президиума, политический инфантилизм многих депутатов, то-

ропившихся свернуть работу Съезда и не желавших слышать ничего, что выходило за пределы их ограниченного житейского и социального опыта, раздраженно-враждебные демонстрации большинства против меньшинства, подчас резкая агрессия против депутатов, представляющих актив общественного обновления, — все это погашало надежды у тех, кого ошеломили и вдохновили избирательные победы вчерашних диссидентов, популярных ученых и писателей, дотоле неизвестных молодых лидеров неформальных движений. Разделение Съезда на непробиваемое, торжествующее большинство и отважное (или, при оценке с иных позиций, амбициозное, идущее напролом), но бессильное меньшинство — так рисовалась ситуация в первом приближении.

Более пристальный взгляд выявил сложное взаимодействие не двух, а трех сил: помимо «аппарата», который повел за собой большинство, и «радикалов», многие наблюдатели замечают «третью силу» — «реформатора», балансирующего между ними. Для полноты картины мы добавили бы еще по меньшей мере четвертую — прибалтийские делегации, а также в перспективе, возможно, еще несколько «сил» — ряд формирований, объединяющих депутатов по социально-профессиональным признакам, пока почти не проявившихся, но обладающих известными самостоятельными потенциалами, из которых наиболее важным представляется аграрный блок. Существует, как во всяком большом собрании, и обширная масса депутатов, не имеющих самостоятельно выработанной политической позиции и идущих за теми, в чьих руках сила. От того, как станет вычерчиваться многогранник всех этих сил, и будут в решающей степени зависеть возможности Съезда и судьба страны.

Трудно согласиться с тем, что результаты первой сессии были для «радикалов» — демократического меньшинства обескураживающими. В тактике парламентской борьбы — это не освоенная еще наука и искусство — демократы действительно допустили ряд досадных ошибок. Главная из них — то, что они

не сумели провести в Верховный Совет несколько активных (или популярных) лидеров, что дало бы им очень важную позицию и что вообще-то при более осмотрительном поведении не выходило за пределы возможного. Но, во-первых, демократическая группа, ядро которой насчитывает 10—15% состава Съезда, смогла повести за собой в нескольких конфликтных голосованиях в мае—июне 1989 г. от 400 до 800 депутатов. Это сильное лекарство против безысходного чувства изолированности в собственном народе, не один десяток лет парализующего волю российской демократической интеллигенции. Во-вторых, она дала стране неоценимый урок политического просвещения, трезвую и не стесненную привходящими соображениями оценку кризисного положения в стране и модель независимого политического поведения, которое в конкретных ситуациях могло казаться излишне прямолинейным, но возрождало представления о гражданском достоинстве.

Ход событий на Съезде и после него выдвинул на авансцену политической жизни Межрегиональную депутатскую группу (МДГ) как своеобразную протопарламентскую фракцию демократического лагеря. <...> Хотя по адресу МДГ высказывается немало справедливых замечаний, ее создание получило широкий резонанс и заметную поддержку в стране. Она вобрала в себя значительную часть демократического интеллектуального актива советского общества и дала ему политическую организацию. Члены МДГ сыграли заметную роль в работе Верховного Совета СССР, в борьбе за демократизацию избирательных законов в ряде союзных республик. В перспективе, в особенности после республиканских и местных выборов, МДГ может стать центром, вокруг которого будут кристаллизоваться силы демократической коалиции. <...>

Вместе с тем достижения демократической «левой» не следует и переоценивать. Во-первых, ни на самом Съезде, ни после него она не смогла выдвинуть — в этом серьезная вина ее интеллектуальных лидеров — тщательно разработанной, спланиро-

ванной по этапам, учитывающей различные варианты хода вещей программы реформы. Она чрезмерно задержалась на стадии публицистических обличений. В своих оценках и предложениях она, как и власти, в основном шла за событиями, а не опережала их. Разумные идеи очень редко выводились на уровень научных разработок, платформ, законопроектов.

Во-вторых, многие демократы не нашли верной линии поведения по отношению к политическому руководству и нередко совершают виражи от разрушительной конфронтации к послушному конформизму, что порождает небезосновательные подчас подозрения в политиканстве и личных амбициях. Нисколько не преуменьшая необходимость консолидации «левого» меньшинства как самостоятельной политической силы на Съезде, в Верховном Совете и в стране, надо отдавать отчет в том, что его ближайшие цели в законодательной, контролирующей и иной деятельности нашего протопарламента могут достигаться — и в ряде случаев уже достигались — лишь на основе согласования и компромиссов с реформаторами из высшего партийно-государственного руководства, что, конечно, предполагает мобилизацию общественных сил давления, но не заострение конфронтации.

В-третьих, демократические силы все еще чрезмерно раздроблены и скверно организованы; к многочисленным идеологическим, политическим и «поколенческим» линиям разделения добавляются национальные размежевания, за которыми стоят объективные различия в положении разных народов нашей страны и их представлениях о приоритетности стоящих проблем. <...>

В разноликом большинстве, дружно глушившем голос демократической «левой», угадываются разные составляющие. В нем доминировало агрессивное консервативное меньшинство, идеологически и политически довольно разнородное. Это прежде всего аппаратные силы, органично спаянные с административно-командной системой и встревоженные своим будущим.

Это они открыто предъявляли счет реформаторам из высшего руководства на апрельском Пленуме ЦК, на пленумах партийных комитетов в Москве, Ленинграде и других городах.

Это, далее, те, кто происхождение трудных проблем страны связывает главным образом с чуждыми иноземными и инациональными влияниями. С «аппаратчиками» их объединило не то позитивное, что присутствует в воззрениях некоторой части этой группы, — боль за уничтожение природы, исторических ценностей, подрыв общественной нравственности, а враждебность к «радикалам», в которых одни видят угрозу социализму, а другие — национальным традициям. В данную коалицию влились, видимо, и замаскированные мафиозные элементы. Общую ее численность на Съезде трудно определить, ибо ни разу не удавалось отделить «агрессивное» меньшинство от «послушного» большинства, незнакомого — в силу известных условий — с политической культурой диалога и компромиссов. Но, по нашей ориентировочной оценке, опирающейся на косвенные данные, весь «актив» данной группы едва ли превышает 20% депутатов.

Их слабость — в том, что в отличие от демократического меньшинства у них нет и не может быть подлинно конструктивной программы выхода из экономического и социального кризиса, ибо нельзя считать программой объединившие их страх и ненависть к демократам или избыточно сверкавшие в прошлом и вновь запольхавшие слова-символы: «Держава, Родина, Коммунизм», способные поднять зал на ноги, но ничего не говорящие о том, как вывести страну из тупика¹⁴.

Их сила — в том, что они, не случайно увлекшие за собой большинство Съезда, выражают достаточно широко распространенные в стране настроения, тип трудовой и политической культуры. Но главная их сила заключалась в том, что они гораздо чаще, чем демократы, выступали на Съезде и после него в альянсе с архитекторами перестройки. Можно лишь строить гипотезы, почему высшее политическое руководство и его лидер —

которому, как это неоднократно подчеркивалось, нет альтернативы — оказались несколько «правее» центра, т. е. гораздо чаще выступали в блоке с консерваторами по персональным, процедурным и иным вопросам. Опасались ли М. Горбачев и его окружение лишиться поддержки того социального слоя, из которого они вышли? Или сказалось раздражение против непочтительной активности «левых», против накала многолюдных предсъездовских собраний в Москве и других городах, против принесенного на Съезд «митингового начала»? Поддался ли М. Горбачев, показавший себя искусным политиком, в данном случае эмоциям, раздражению? Или он переоценивал свою зависимость от партийных инстанций, особенно в такой момент, когда его власть получила — и не могла не получить — внушительную легитимизацию? Нам представляется, что он располагал значительной свободой маневра на Съезде, мог значительно дальше пойти навстречу демократам, с большей политической мудростью отнестись к предложенному А. Д. Сахаровым «Декрету о власти» и провести намного более содержательные решения о передаче власти Советам: «консерваторы» почти наверняка подчинились бы его воле. Они, в отличие от демократов, ни разу не осмелились вести самостоятельную игру, если не могли рассчитывать хотя бы на доброжелательный нейтралитет с его стороны. Он мог бы, наконец, обеспечить приход к руководству советскими органами, формируемыми Съездом и Верховным Советом, политиков новой формации, выдвинутых перестройкой. Если он не сделал этого, то, вероятнее всего, потому, что считал преждевременным форсировать процесс передачи власти, перебазирования центра ее тяжести со старых, номенклатурных — на действительно выборные органы.

Ускорением перехода пожертвовали, как это уже делали не раз, во имя поддержания политической стабильности. <...> Располагая «контрольным пакетом» голосов на Съезде безотносительно к тому, каковы истинные предпочтения большинства владельцев этих голосов, реформаторы могли бы проводить бо-

лее решительную политику, меньше оглядываться на ретроградную Вандею в партии и стране.

Итоги первой сессии Съезда, в отличие от выборов, не вызвали энтузиазма в обществе; скорее можно говорить о широко распространенных чувствах горечи, разочарования и тревоги. Попытаемся дать взвешенную оценку этой сессии. Съезд, поскольку это касается политической реформы, обозначил движение вперед, к парламентской системе. Это продвижение может быть оценено в трех измерениях.

Оно было микроскопически малым по сравнению с ожиданиями и активного меньшинства, упоенного избирательными победами, и широких масс населения, с нетерпением ждущих реальных изменений в нелегких условиях жизни. (Насколько справедливо измерять достижения Съезда масштабом явно завышенных надежд — иной вопрос. Наивно ждать «великого дня, когда все изменится»: переход такого типа, в котором нуждаемся мы, у других народов занял целую историческую эпоху.)

Съезд, по нашему мнению, дал меньше, чем он мог дать при данном соотношении сил. Хотя зона, открытая не только для критики, но и для общественной инициативы, заметно расширилась, очень слабо затронута главное — монополия политической власти самоназначаемой номенклатуры. Ее нельзя было ликвидировать с ходу, декретом Съезда. Ее можно было ограничить рядом хорошо продуманных законоположений и персональных назначений. Этого не произошло. Сказались и организационная слабость, тактические просчеты демократов, и многолетняя политическая инерция, позволившая консерваторам располагать голосами большинства депутатов как своими собственными, и — быть может, главное — стратегический курс высшего руководства, проложенный «правее центра». Благодушная формула «мы только учимся демократии» противостоит естественно соединяет, топит в безбрежном «мы», кроме широких масс народа, которые ускоренным образом и с неодинаковым успехом, действительно, проходят школу демократии, тех, кто отлично знаком с принци-

пами демократии, но не в состоянии их реализовать, тех, кто никакой демократии учиться не хочет и не будет, для кого «учеба» — лишь формула прикрытия антидемократических амбиций, и тех, кто, располагая серьезными возможностями, по тем или иным соображениям руководствуется формулой «поспешай медленно».

Наконец, выборы, Съезд и начатая на виду у всей страны работа Верховного Совета представляли колоссальный шаг вперед, если поставить их в исторический ряд вслед за XXVII съездом партии, январским Пленумом ЦК КПСС 1987 г., XIX партконференцией.

Во-первых, они дали громадный импульс политизации народа, который на протяжении долгих десятилетий удерживали вне политики. Политика оказалась в сфере напряженного внимания не меньшинства, как было еще недавно, а большинства народа. Большие массы людей были вовлечены в активные политические действия. В дни работы Съезда у телевизоров собиралась вся страна. Конечно, политизация масс сама по себе достаточно амбивалентна. Ее все больше пытаются эксплуатировать силы, стремящиеся столкнуть общество назад. Но без нее немислим переход к демократии.

Во-вторых, Съезд с прозрачностью, быть может, и неполной, но неведомой прежде, обозначил и подтолкнул выход на поверхность нашей общественной жизни разных политических течений, «левых», «правых», «центра», их комбинаций и промежуточных групп. Их позиции. Их силу и слабость. Их соотношение. <...> Замещение декоративно-буффонадного «морально-политического единства», служившего идеологическим прикрытием тотальной монополии и атрофировавшего нормальную жизнедеятельность общества, конкуренцией сил, выражающих различие реальных общественных интересов, ведущих — не будем бояться слов — борьбу за власть, действительно громадный шаг вперед. Не пугаться следует разъединения, не обнадеживать себя всеобщей консолидацией,

а на основе объективного размежевания искать и находить компромиссные решения, выражающие баланс основных интересов, формировать блоки, объединенные хотя бы временной платформой, утверждать правила цивилизованного политического поведения.

В-третьих, в лице Верховного Совета Съезд образовал орган, который начал выполнять некоторые функции парламентского учреждения. Не будем обольщаться: это еще не парламент, хотя бы потому, что ни Съезду, ни Верховному Совету не подвластно пока назначение и смещение лиц, принимающих основные политические решения. Но народные депутаты, добровольно согласившиеся на Съезде с тем, что их самостоятельной инициативе оставлено узкое политическое пространство, на заседаниях Верховного Совета проявили поразительную активность в отведенных рамках, причем активность эта стремительно нарастала. <...>

Однако уже «вдогонку» за первым Съездом народных депутатов положение в стране претерпело ряд существенных изменений — далеко не во всем в лучшую сторону. Во-первых, резко обострился экономический кризис. Хозяйственная ситуация ухудшалась так быстро, а противоречивые и разрозненные меры для ее исправления оказывались настолько запоздалыми и неэффективными, что угроза экономического развала, т. е. неспособность экономики обеспечить элементарные условия существования миллионов людей, вырисовывалась все более грозно.

Во-вторых, со скоростью лесного пожара по стране стали распространяться национальные конфликты. Осталось мало народов, которые не предъявляли бы своим соседям счета за их прошлые и теперешние, действительные и мнимые исторические вины, и счета эти растут. <...>

В-третьих, наметилась перегруппировка в консервативном лагере. На весенних выборах 1989 г. это были преимущественно силы вчерашнего дня: сталинистские и неосталинистские элементы административного и идеологического аппарата. Затем на

политическую арену стали выдвигаться правонационалистические, апеллирующие к дореволюционному прошлому силы. <...> Этот блок апеллирует не столько к обветшавшей мифологии, героике революционного прошлого, сколько к ранимым национальным чувствам и к сегодняшним бедам и заботам миллионов людей, размашисто рисует образы новых врагов. Он показал способность не только создавать опорные пункты своего влияния в трудовых коллективах, но и выводить на улицы большие массы людей, воздействовать не только на подспудные перемещения в коридорах власти, но и на голосования в Верховном Совете. Он пытается встроиться в избирательные процессы, поднимая на щит антидемократическую идею выборов Советов по производственным округам. Перестройка не может исключить непопулярные меры, и это — важный источник, который будет продолжительное время подпитывать силы консервативного лагеря.

Как бы там ни было, политическое развитие нашего общества после первого Съезда вступило в новую фазу: в борьбу включаются массовые силы, от поведения и эволюции которых в решающей степени будет зависеть весь дальнейший ход событий. Одно из самых заметных событий этого нового этапа — начавшееся возрождение независимого рабочего движения, потрясшие страну забастовки в угольных бассейнах. <...>

Если «левая» интеллигенция, озабоченная преимущественно сохранением достигнутой гласности и концентрирующая внимание на разного рода «подвижках» вверху, не оценит этот — свой и всего общества — исторический шанс, не сумеет освоить (разумеется, с серьезными поправками на ситуацию, требующую дифференцированного подхода, а не заострения конфронтации с властью) опыт польского КОС-КОРа, стоявшего у истоков «Солидарности», развитие событий может приобрести трагический оборот. В 1988—1989 гг. демократическая интеллигенция, как о том свидетельствуют и итоги выборов, и социологические опросы, смогла добиться немалого влияния

в обществе. Однако за нею пока меньшинство народа. До сих пор поддержка, которую она получала, усиливалась, но социальная ситуация крайне неустойчива, и потому позиции последовательных сторонников перестройки в общественном мнении, в электорате и даже неформальных организациях могут быть так же быстро утрачены, как были приобретены. Об этом забывать нельзя.

Фактор времени приобретает решающее значение. Темп проведения экономической и политической реформы серьезно отстает от развития неконтролируемых и весьма опасных общественных процессов. От ощутимого нарастания фрустрации и озлобления. От углубления кризиса той социально-экономической и политической системы, в преобразовании которой мы так непростительно промотали первые годы перестройки и продолжаем отставать сейчас. Приход во все политические структуры людей, имеющих концепцию перемен и пользующихся доверием народа, конечно, сам по себе не гарантирует решения трудных проблем. Но без этого едва ли удастся их удовлетворительно решить.

Существует жесткое шахматное правило: как бы ни был гениален замысел, контрольные ходы надо сделать в обусловленные сроки. Наша ситуация острее: мы лишь догадываемся, через какое время может упасть флажок, да и не о выигрыше в шахматном матче идет речь.

Итак, придем ли мы к демократическому парламенту? Ответ на этот вопрос может быть лишь обусловленным, а не категорическим. Мы идем, в общем, — с задержками, шагами в сторону и откатами назад — именно в этом направлении с весны 1985 г. Выборы и Съезд дали существенное, несравнимое с другими событиями перестройки продвижение вперед на этом пути. Мы придем к демократическому парламентаризму, правовому государству, гражданскому обществу, если... Если нас не захлестнет в ближайшие годы поток неконтролируемых событий, если удастся сдержать инфляцию и вконец не разрушится ритм

экономической жизни, если по стране кровавым потоком не разольется Фергана, если будет остановлен рост преступности...

Один-два неверных шага — и мы окажемся перед лицом распада общества и государства, гражданской войны либо правого переворота, который осуществят силы, опирающиеся, скорее всего, не на ослабевшие партийные структуры, а на армию, спецвойска, госбезопасность. Им уставшее и разуверившееся общество вручит свою судьбу в обмен за «восстановление порядка» — так не раз бывало в истории. И тогда на смену обветшавшей и дискредитированной, уходящей со сцены диктатуре придет свежая диктатура с обновленными лозунгами (они уже мелькают) и крепкими зубами (их заботливо отращивают). Конечно, ни одну из действительных общественных проблем на этом пути решить нельзя, но в новый, еще более глухой тупик она может завести. Можно представить, к чему это приведет не в начале, а в конце XX века...

Вероятно, мы идем — и в обозримый период будем идти — по самому опасному участку нашего исторического пути: ближайший бой (как и последний) — «он трудный самый». И мы обязательно придем к демократическому парламенту, к цивилизованной жизни, если у нас, у всех, кто сознает свою ответственность за судьбу страны, как бы ни велики были различия между нами — скажем, перефразируя известное изречение, — хватит смелости ускорить движение, осмотрительности — не делать ложных шагов в сторону с узкой тропы и мудрости — своевременно отличать одно от другого.

ДВИЖЕНИЕ К ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ. ПЕРВЫЙ ОТРЕЗОК ПУТИ¹⁵

Выборы-89

В 2004 г. РОМИР провел социологический опрос: что знают наши сограждане о I СНД СССР. «Ничего не знаю об этом Съез-

де», — ответили 45% опрошенных, «практически не помню, что-то читал» — 23%, «плохо помню, знаю в общих чертах» — 22%. И только 9% ответили, что следили за ходом Съезда и хорошо его помнят¹⁶.

Этот феномен исторической памяти нашего народа выглядит убийственно. Конечно, позднейшие нагромождения событий у многих отодвинули воспоминания о демократической весне 1989 г. Но и сам Съезд, выборы, которые ему предшествовали, надежды, которые на него возлагали (в том, что они не были осуществлены, в немалой степени повинен сам парламент), нуждаются в более взвешенном анализе, чем это можно было сделать по свежим следам событий.

Выборы на Съезд народных депутатов СССР проходили в далеко не везде пробудившейся стране и по очень несовершенному избирательному закону. Избирали в орган, который даже по действовавшей тогда Конституции (а тем более в жизни) должен был делить власть с «руководящей и направляющей силой», «ядром политической системы»¹⁷.

2250 народных депутатов избирались следующим образом: 750 — от территориальных (по числу избирателей), 750 — от национально-территориальных (разверстанных между республиками и иными национально-территориальными образованиями по определенным квотам) округов и 750 — от общественных организаций (тоже по квотам). Над СНД, который должен был собираться не реже одного раза в год и был «правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению СССР»¹⁸, возвышалась надстройка — постоянно действующий Верховный Совет с урезанными полномочиями. Съезду надлежало выделить ВС из своего состава.

Абсурдность, нежизнеспособность и недемократический способ формирования этого монстра были подвергнуты критике в демократической печати еще при его рождении. Тем не менее выборы 1989 г. и по закону, и фактически представляли собой колоссальный шаг вперед по сравнению со всеми без исключе-

ния советскими выборами. Они возрождали, хотя и довольно робко, традицию, сломанную после выборов Учредительного собрания в 1917 г. Исходным пунктом была коррекция избирательной системы на основе спешно подготовленного избирательного закона. Во многих случаях граждане сумели воспользоваться главным нововведением — альтернативностью кандидатов, хотя перед независимыми кандидатами бюрократическая система двигала разнообразные рогатки.

Более всего в избирательном законе критиковали возврат к средневековому куриальному принципу — выборы от общественных организаций; для их членов они были непрямыми и грубо нарушали равенство избирателей. Если воспользоваться термином, который стали употреблять позднее, это был типичный пример «управляемой демократии». Но выборы от общественных организаций приводили к сбоям там, где наталкивались на активизм перестроечной интеллигенции (о выборах в Академии наук я расскажу отдельно), или же давали некие «усредненные» (т. е. далеко не самые консервативные) результаты там, где процессом управлял лично «архитектор перестройки».

Притчей во языцех стала тогда «красная сотня» — депутаты, безальтернативно избранные на расширенном пленуме ЦК КПСС. Справедливости ради надо сказать, что как раз состав этой «сотни», по свидетельству Болдина, тщательно подобранной Горбачевым и Разумовским¹⁹, был по социально-профессиональной принадлежности сравнительно сбалансирован, а по идеологической окраске «сотня» вовсе не была исключительно «красной». В нее были, конечно, включены все члены и кандидаты политбюро и секретари ЦК партии²⁰, а также руководители некоторых горкомов и райкомов, партийные работники и редакторы изданий, входивших в «команду Горбачева»: В. Афанасьев, Н. Биккенин, В. Ивашко, И. Лаптев и А. Черняев. Явно преобладали «перестройщики»-горбачевцы и даже радикалы среди попавших в список деятелей литературы и искусства (Т. Абуладзе, Ч. Айтматов, В. Белов, И. Васильев, Д. Гранин, В. Карпов, Б. Олейник,

М. Ульянов)²¹ и ученых (Л. Абалкин, Е. Велихов, В. Кудрявцев, Г. Марчук, Б. Патон, Е. Примаков). Попали в «сотню» также 23 рабочих, 10 колхозников, учителя, врачи... К тому, что было сказано в статье о голосовании партийной коллегии выборщиков по безальтернативным кандидатам (большинство из которых было избрано единогласно или при нескольких голосах против), можно добавить, что против Горбачева было подано 12 голосов, Медведева — 22, Лигачева — 78, Яковлева — 59, Ульянова — 47, Абалкина — 32 и т. д.

Консервативная оппозиция перестройке была представлена не столько «партийной сотней», сколько «партийной тысячей» или более депутатов, избранных в тех одномандатных округах (главным образом сельских и в малых городах), где избиратели были политизированы слабее, а администрация жестче вмешивалась в избирательный процесс. Шок, вызванный провалом партийных, государственных деятелей, военачальников первого и второго ряда в Москве, Ленинграде, ряде иных крупных культурных центров, был несколько преувеличен: большая часть страны проголосовала «как надо». Поражение одних и успех других — значительно большего числа партийных кандидатов — проистекали из того, что одна и та же линия руководства и аппарата КПСС в разных местах приносила различные плоды. Как справедливо отметил М. Макфол, в отличие от колоссального внимания, которое партийные лидеры уделяли разработке новых правил проведения выборов, самому участию в них было уделено очень мало времени и внимания. Верхушка КПСС была выведена из состязания за мандаты, да и гораздо больше, чем выборы, ее тревожили надвигавшийся экономический коллапс и нараставшее напряжение в федеративных отношениях. «Выборы стояли на последнем месте среди ее забот. На региональном и местном уровнях КПСС тоже вела себя не как политическая партия, сражающаяся за победу на выборах». Не обошлось, кажется, и без умысла Горбачева, рассчитывавшего, что поражение консерваторов на выборах дискредитиру-

ет их перед партией²². Но и сами высокопоставленные соискатели мандатов в округах полагались (в большинстве случаев не напрасно) на политическую инерцию избирателей, неоспоримость для них «руководящей роли КПСС». В целом выборы-89 дали такой квазипарламент, который более или менее адекватно отразил и соотношение сил в стране в те месяцы, и его подвижный, изменчивый характер. Вскоре это нашло выражение в многочисленных и самых невероятных мутациях избранных депутатов.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ИЛИ ПАРЛАМЕНТ?

Жесткое ленинское противопоставление 1917-го и последующих лет: пролетарская революция учреждает не парламентаризм, а советскую власть, и тот, кто этому противится (или просто не понимает), объективно (или даже субъективно) прислуживает буржуазии²³, — было уже давно погребено под тяжким грузом псевдотеоретического мусора. Парламентаризм и абстрактная, никогда нигде не реализованная²⁴ модель власти Советов в скучных учебниках ждановско-сусловского агитпропа уже не казались несовместимыми. Даже опубликованная в 1950 г. новая программа английской компартии «Путь Британии к социализму», где открытым текстом провозглашалось, что путь этот пойдет через парламент и голосование большинства, не была предана анафеме по соображениям, как мы бы сегодня сказали, политкорректности.

Между тем, помимо классового принципа представительства, от которого в 1936 г. сочли возможным отказаться под флагом расцвета социалистической демократии, и некоторых сопутствующих аксессуаров, в теоретической модели советской власти содержался исключительно опасный принцип — концентрации власти в одном месте, отказ от разделения и относительной независимости властей друг от друга. Этот принцип не был развенчан, в том числе в прогрессистском общественном сознании к концу 80-х годов. Зло видели в том, у кого сосредоточена

«вся власть», но слабо сознавали, что демократическое общественное устройство не может быть основано на концентрации власти где бы то ни было. Была поставлена задача: переместить полноту власти — законодательной, исполнительной, контрольной — из рук партии (а де-факто — узкой группы партийных иерархов) в руки демократически, всенародно избранного органа. Придумка А. Лукьянова — «имя, возбуждающее романтические воспоминания» — пришлось кстати.

Если же обратиться к органам, которые реально выступали под именем Советов, то весь практический опыт свидетельствует о их бессилии. После подавления июльского путча 1917 г. большевики сняли лозунг передачи власти Советам, потому что Советы пошли в фарватере враждебной им, большевикам, власти. Бессильными Советы оказались и после октября — только они стали орудием иной власти. Причем там, где не было достаточно плотной сети партийных органов, Советы во время Гражданской войны стали подпирать комбедами. А в 1992—1993 гг., после распада структур КПСС Советы и сам СНГ России стали полем борьбы двух сил. Представительные органы, за которыми закреплена номинально вся полнота власти, если что и могут выделять из себя, то Комитет общественного спасения, Директорию, Совнарком, политбюро, хасбулатовскую команду или нечто подобное.

Широкое использование терминов, содержание которых можно было интерпретировать по-разному, — характерная черта господствовавшего «новояза». С лозунгом передачи всей власти СНГ и Советам выступал А. Сахаров и другие демократы. Мне запомнился разговор на российском Съезде с коллегой-депутатом из Мурманска, членом фракции «Коммунисты России». Человек добросовестный, хирург, занимавший ответственный пост в органах здравоохранения, но продолжавший оперировать, говорил мне ранней весной 1990 г.: «Я боюсь, что вы хотите убрать из понятия СССР то, что республики не только социалистические, но и советские». Ничего такого в те дни российские демократы делать еще не собирались.

Требование передачи всей власти Советам имело двоякое содержание. Возвращая в сознание людей некий идеализированный образ позабытого прошлого, этот лозунг выполнял роль политико-идеологического тарана, сокрушавшего партийную власть. Порождая иллюзии, он притуплял антипарламентское острие советской системы, ибо под видом всевластия Советов представительные органы неизбежно теряют самостоятельность. Целеустремленная группа властолюбцев, действующая якобы от их имени, превращает их в прикрытие своего господства и может разворачивать в любую сторону. Таков исторический опыт. России предстояло в скором времени вновь в этом убедиться.

БЫЛ ЛИ СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР ПРОТОПАРЛАМЕНТОМ?

Ответ на вопрос, поставленный в этом заголовке, может быть только один: и да, и нет.

Да, потому что, не взяв власть, но почуяв где-то рядом вкус и запах власти, он «потянул одеяло на себя», вторгся в заповедную зону, покрытую плотной завесой государственной тайны. На публичное обсуждение были вынесены такие жгучие проблемы, как пакт Молотова-Риббентропа 1939 г., безумное решение о вводе войск в Афганистан в 1979 г., зверское подавление народной демонстрации в Тбилиси в апреле 1989 г., привилегии бюрократии и т. д. Дискуссии ни к чему не обязывали власти, но вынесение на публику вопросов, за одно упоминание которых прежде смельчаки лишались свободы, меняло политическую атмосферу в стране. Съезд начал исполнять свою функцию представительного органа. Да, потому что он сформировал Верховный Совет, который стал постепенно входить в роль, влияя на законотворческий процесс, реализуя свою функцию законодательного органа. Да, потому что на нем возникли Межрегиональная депутатская группа, «Союз», Аграрная и Прибалтийская группы. В отличие от Верховного Совета всех предыдущих созывов Съезд пошел по пути структурирования не на региональ-

но-бюрократической, а на политической основе и тем самым стал превращаться в политический орган.

И вместе с тем — нет, потому что расстановка делегаций по регионам, под которую подгонялась вся организация работы, «выборы» Верховного Совета и иные привычные процедуры делали Съезд сравнительно легко управляемым сверху и извне. Нет, потому что он даже еще не делил власть, а существовал около нее, представлял, по выражению Олега Попцова, не власть, «но ее окружение, рядом расположенную среду». И действительно, «парламент, на глазах которого страна идет вразнос, не в состоянии выполнить свою конституционную обязанность — отправить беспомощное правительство в отставку»²⁵. Нет, потому что постепенно выкристаллизовавшаяся политическая структура Съезда была аморфной и текучей. Связи между депутатами на основе политической ориентации легко возникали и распались. Депутаты, большинство которых шло на выборы с демагогическими и популистскими программами, слабо связанными с реальными возможностями общества, не ощущали ответственности ни перед избирателями, ни тем более — перед объединениями на самом Съезде, в которые они заходили и выходили.

Завершая главное свое выступление на Съезде, академик Сахаров говорил: «Съезд не может сразу накормить страну. Не может сразу решить национальные проблемы. Не может сразу ликвидировать бюджетный дефицит. Не может сразу вернуть нам чистый воздух, воду и леса. Но создание политических гарантий этих проблем — это то, что он обязан сделать»²⁶. В нашей статье 1989 г. был поставлен вопрос: готов ли Съезд народных депутатов СССР взять власть, стать Учредительным собранием? Жизнь очень скоро дала на него ответ. Страна избрала столь же неуклюжий и беспомощный парламент, какой была она сама.

ДЕМОКРАТЫ НА СЪЕЗДЕ

На первом Съезде многое происходило впервые за годы советской власти. Едва ли не главным из этих событий было появ-

ление на общественной арене демократов в качестве самостоятельной политической силы. Значение этого факта вышло за хронологические рамки и первого, и всех последующих Съездов. Когорта «прорабов перестройки» шагнула со страниц печати и митинговых трибун в номинально высший орган власти. Страна увидела и запомнила первое поколение демократических лидеров. Некоторые из них не сошли с политической сцены и после распада СССР. К сожалению, однако, многие критические замечания, высказанные тогда же по адресу демократов, оказались справедливы. Более того, существенные дефекты в их деятельности были позднее усугублены.

Демократы предупредили общество о надвигающемся экономическом коллапсе и обрисовали если не целостную программу его предотвращения (до появления программы «500 дней» оставался еще год), то комплекс разумных мер, способных помешать катастрофическому развитию событий. Выступления Шмелева, Попова, других экономистов-демократов Съезд внимательно выслушал, но дальше этого дело не пошло. Высказанные в общем виде идеи не осознали должным образом даже члены МДГ, а главное, предложениям так и не была придана форма документов, пригодных для того, чтобы поставить их на голосование, и тем более — альтернативных законопроектов. Во время I СНД это еще можно было как-то объяснить: не было ясно, чего от Съезда можно ожидать, да и времени после выборов прошло слишком мало. Но пустой портфель, с которым демократы пришли на II СНД в декабре, едва ли имеет оправдание. Когда правительство Рыжкова-Абалкина выдвинуло план фантастического роста производства на следующий год и объявило довольно сомнительные меры экономической политики, демократы мало что смогли этому противопоставить.

Не кажется мне оптимальной и линия, избранная демократами по отношению к реформаторам в руководстве КПСС во главе с Горбачевым. Сегодня едва ли кто-нибудь возьмется определенно утверждать, что было первичным: переход генерального

секретаря на более осторожные позиции, вызывавший нарастание критики в выступлениях межрегионалов, или же давление демократов, раздраженных пробуксовыванием перестройки, которое побудило генсека сделать шаги навстречу консерваторам. Скорее всего, было и то, и другое. К 1989 г. пути демократов и Горбачева разошлись. Наивно было рассчитывать, что после своих впечатляющих успехов демократы удовлетворятся, как в первые годы перестройки, ролью эшелона поддержки прогрессивного руководства. Еще труднее вообразить переход «архитектора перестройки» на радикальные позиции. Но к этому времени на политической сцене действовали не две, а три силы, и натиск консерваторов на реформаторов в Политбюро был очевиден. Линия размежевания могла пройти как «левее», так и «правее» Горбачева, и демократы в сущности стали энергично подталкивать Горбачева к альянсу с его антагонистами.

По-видимому, демократы слишком нервно отреагировали на то, что ряд видных их лидеров не был избран в Верховный Совет. На самом деле ничего неожиданного и дискриминационного в этом не было. Московская делегация, в которой была особенно велика доля демократических депутатов, выдвинула 55 претендентов на отведенные ей 29 мест в Верховном Совете (все остальные отбирали выдвиженцев под заданные квоты). Среди этих претендентов 20 человек можно было тогда с большим или меньшим основанием отнести к демократам. Из них избрали семерых (Алексея Емельянова, Юрия Рыжова, Эллу Памфилову и др.), а 13 (Гавриила Попова, Аркадия Мурашева, Юрия Черниченко, Сергея Станкевича, Татьяну Заславскую и др.) провалили. Но примерно столько (около четверти голосов) демократы обычно набирали на тех голосованиях, которые поляризовали Съезд. Иное дело, что сама двухступенчатая структура законодательного органа была абсурдной, особенно если принять во внимание, что по закону члены Верховного Совета постоянно работали там не в обязательном порядке, а лишь «как правило», и что предварительный отбор в других делегациях был осуществлен не в пользу

демократов — с нарушением интересов меньшинства. Демонстрируя свою приверженность принципу альтернативности и не выдвинув претендентов «под расчет», московская делегация тем самым отдала выбор в руки политических противников.

Однако реакция демократических лидеров на голосование не заставила себя ждать: Юрий Афанасьев тут же заявил, что избран «сталинско-брежневский» Верховный Совет и на Съезде сформировалось «агрессивно-послушное большинство», а Горбачев к нему то ли прислушивается, то ли умело на него воздействует²⁷. СМИ сразу же растиражировали эти резкие обвинения, и их с энтузиазмом поддержал демократический актив общества. Между тем на поверку Верховный Совет оказался по своему составу ничуть не более «сталинско-брежневским», чем сам Съезд²⁸. Яростные атаки демократов подталкивали к слиянию разные силы, представленные на Съезде: действительно агрессивное, антиперестроечное меньшинство (по моей оценке, оно составляло 20—30%) и послушное, конформистское большинство. Что еще хуже, туда же сталкивали Горбачева.

Силы демократов в парламенте были не только ограничены, но разнородны и разрозненны. Однако самый серьезный урон уже на первых съездах они понесли из-за того, что от Съезда дистанцировалось большинство прибалтийских депутатов (которые вскоре вообще отказались активно участвовать в работе СНД). Они не без оснований пришли к выводу, что отколоть свои республики и решить там свои проблемы перспективнее, чем участвовать в общей борьбе за демократию в масштабах Союза²⁹. Но этот прагматический выбор предопределил скатывание многих из них с демократических на националистические позиции, что серьезно ослабляло демократов, ибо провоцировало ответную реакцию иных национализмов. В основе тактики прибалтийских депутатов лежал глубоко ложный, по моему мнению, принцип, что права нации не менее важны, чем права человека.

Но главной слабостью демократов была (и остается) их неспособность организовать и поддержать массовое движение за

экономические и социальные права, стать его органической частью. Повторить то, что сделали польские интеллигенты из Комитета защиты рабочих, сыгравшие выдающуюся роль в создании независимого профсоюза «Солидарность» в значительно более трудных условиях³⁰.

Нельзя сказать, что демократы пренебрегли шахтерским движением. Они направляли десанты в Кузбасс, участвовали в рабочих съездах, готовили для них документы и привечали рабочих вожakov в Москве. Активное участие в этой работе приняла группа сотрудников академического Института международного рабочего движения во главе с Леонидом Гордоном и другие демократы. Чуть позднее эстафету подхватили избранные в 1990 г. на СНД России члены «Демократической России». Но ничего хотя бы отдаленно напоминающего «Солидарность» или Комитет защиты рабочих у нас не получилось. Лидеры шахтерских забастовок со временем разбрелись кто куда. Деятельность столичных интеллигентов свелась к нескольким политическим импровизациям и научным публикациям, обобщившим этот первый опыт массового рабочего движения³¹. Кузбасс же стал позже вотчиной коммуниста Амана Тулеева, способного администратора, блестяще освоившего социальную демагогию. Шахтерскому активу 1989—1990 гг. не хватило политической и общей культуры, опыта организованных действий в защиту своих прав, рабочей солидарности, а демократам — умения и желания вести черновую, последовательную, требующую даже самоотречения организаторскую и просветительскую работу с людьми, которые сильно отличались от легко впадавшей в возбуждение столичной публики³².

РАСПАДАЮЩАЯСЯ ПАРТИЯ

1989 г. был отмечен оформлением и даже некоторым обособлением консервативной оппозиции в КПСС. Если на СНД и на улицах лидировали демократы, то в партии, нанизанной на аппаратные структуры, тон все больше задавали люди, либо изначально

но враждебные перестройке, либо (таких было значительно больше) переходившие на консервативные позиции по мере того, как в партии и стране росла неконтролируемая низовая активность. Коммунистических фундаменталистов, которые требовали «исключить из КПСС человек 200—300, и все наладится», Владимир Медведев, побывавший в Белоруссии и столкнувшийся там с решительным неприятием перестройки высшими партийными иерархами, назвал «советской Вандеей»³³. На апрельском пленуме ЦК 1989 г., о котором в нашей статье рассказано подробно, эта оппозиция заявила о себе открыто.

В партии издавна почитали три символа абсолютной власти над людьми, о которых поведал Иван Карамзин в поэме о Великом инквизиторе: «чудо, тайну и авторитет»³⁴. Теперь рушились авторитеты не вчерашних, а действующих политиков. Покров тайны рассеивался на глазах. Былые чудеса уже не выглядели таковыми. К концу года произошел тектонический сдвиг. Партийные иерархи, не входившие в Политбюро, но не какие-то там заднекаштановичники, а, безусловно, люди второго эшелона, вышли на улицу с протестом против линии, которую проводил генеральный секретарь.

Самым заметным событием в этом ряду стал митинг, проведенный 22 ноября на Дворцовой площади в Ленинграде под эгидой обкома и горкома партии. К этому времени в столицах сменились партийные руководители: в Москве место Зайкова занял Прокофьев, в Ленинграде Соловьева сменил Гидаспов. Последний выбор был нетривиальным: Борис Гидаспов был менеджером, возглавившим один из первых и крупнейших в СССР концернов, доктором химических (а не каких-то «противоестественных» вроде «научного коммунизма») наук, членом-корреспондентом АН СССР, лауреатом Ленинской и Государственной премий. Своим присутствием и выступлением Гидаспов придавал митингу, передававшемуся по центральному телевидению, высокий официальный статус³⁵. Не случайно митинг был показан по центральному телевидению. Над толпой реяли лозунги «Хватит каяться, надо ра-

ботать!», «Депутат Верховного Совета, какого цвета твой партбилет?», «Рабочий контроль — стране перестройки!», «Политбюро — к отчету на внеочередном пленуме ЦК!», «Члены ЦК, где ваша позиция?» и т. д. Под стать лозунгам было и большинство выступлений на митинге: требовали внеочередного съезда, персонального отчета всех членов Политбюро, клеймили СМИ, «оказавшиеся в руках шаманов», «разложившуюся интеллигенцию», «новоявленных псевдодемократов, которые оплевывают нашу историю» и творят «информационный террор», «запутавшихся прорабов-строителей». Платформа состоявшегося незадолго до того пленума ленинградского обкома, сказал один из ораторов, — это «надежда, которая промелькнула, как светлый луч», а «прослушав доклад товарища Гидаспова, я вспомнил, что вступал в партию большевиков». Сегодня, нагнав себя на анпиловские и им подобные митинги, мы воспринимаем подобные декламации спокойно, понимая, что в обществе существуют маргинальные слои, падкие на крикливую риторику. Но в 1989 г., когда еще не было ясно, в какую сторону качнутся политические весы, все это звучало угрожающе. Такого не было с 1925 г.: партийные инстанции Ленинграда заявили позицию, отличную от официальной.

А что же генсек? В первые годы перестройки, пишет Арчи Браун, Горбачев проводил *либерализацию*, называя ее *демократизацией*: «Это было время, когда переосмысливали и расширяли права, которые уже существовали на бумаге и в советской Конституции 1977 г., и в уставе КПСС, однако их игнорировали на практике». Реформы подвели страну к той грани, к которой подошла Пражская весна. «Выборы 1989 г. в СССР и 1990 г. в республиках вывели страну за пределы *либерализации* и стали критической точкой прорыва к *демократизации*»³⁶. Теперь для Горбачева наступал момент истины. «Прелюбопытнейший феномен, — пишет Александр Яковлев, — вначале Горбачев переиграл время, сумел перешагнуть через самого себя, а затем уткнулся во вновь изобретенные догмы, а время убежало от него»³⁷. Тактика компромиссов, линия на консолидацию была в основном верна и про-

дуктивна в первые годы перестройки, но к 1989 г. она себя исчерпала. Глубокие трещины в партии бросались в глаза, но еще не было ясно, где пройдет основной разлом. Сила партийной традиции, привычка к послушанию, авторитет поста генсека, как мне представляется, еще позволяли Горбачеву управлять большинством звеньев партийного аппарата и 19-миллионной партийной массой. Но для этого надо было отсечь гангренозные участки, пойти на раскол партии. Отказаться от иллюзорной консолидации, о которой твердил Горбачев, и попытаться объединить «Демократическую платформу в КПСС» с «послушным большинством». Риск, что это не получится, был очень велик. Но, как известно, кто не рискует, тот не пьет шампанского, а здесь не о шампанском шла речь. И еще раз Яковлев: «Смелость в словах и бессмысленная осторожность на деле. Крупные намерения и мелкие решения шагали вместе, часто даже в обнимку... Михаил Сергеевич пропустил исторический шанс переломить ход событий именно 1988—1989 годах»³⁸. На следующем историческом витке Горбачева обыграл Ельцин, умевший рисковать.

Можно ли было разъединить прогрессистов и реакционеров, состоявших в одной партии, минуя Горбачева, коль скоро он на это не решался? Видимо, среди ее лидеров был только один человек, обладавший для того необходимым авторитетом в глазах не только колеблющейся «Демократической платформы», но и более широкого слоя демократически ориентированных партийцев, — Александр Яковлев. Зная, что идею разделения партии на две части Яковлев вынашивал давно³⁹, я задал ему вопрос: «Не следовало ли перейти от слов к делу?» — «Это была моя ошибка, — сказал Александр Николаевич. — Я не знаю, сколько бы людей пошло в партию демократической или социал-демократической ориентации, но думаю, что это была бы значительная часть КПСС. И к ней примкнули бы здравомыслящие люди, находившиеся в оппозиции... Почему я этого не сделал? Удержала, во-первых, лояльность к Горбачеву, который пообещал, что в ноябре 1991 г. созывает чрезвычайный съезд, на котором будет про-

ведено разъединение. А во-вторых, принятая на XXVIII съезде программа была, скорее, социал-демократической, чем коммунистической. Я надеялся, что партия станет развиваться по этой программе...». — «Если бы такая программа была принята в 1987 г., цены бы ей не было», — заметил я. — «Но и после XXVIII съезда было еще не поздно», — ответил Яковлев⁴⁰.

О XXVIII съезде речь пойдет дальше. Не думаю, что такая попытка, предпринятая после него, да еще без Горбачева и, следовательно, против Горбачева, увенчалась бы успехом. Об этом говорит, в частности, история с созданием летом 1991 г. Движения демократических реформ (ДДР). В него вошли известные «прорабы перестройки» и поддержал его Яковлев. Однако мне хотелось бы предостеречь себя и читателя от искушения оценивать тогдашние намерения и действия людей, отвлекаясь от его реалий и преобладавшего у большинства участников понимания вещей. Надежда развернуть партию на путь реформации сохранялась не только у Яковлева, но и у многих партийцев, оставшихся в рядах КПСС до конца. Вопрос о том, что следовало делать с партией, был, несомненно, одним из ключевых и самых сложных.

Вадим Медведев, член политбюро с 1988 г., принадлежавший к «команде Горбачева», так излагает свое видение. По мере приближения XXVIII съезда баталии стали перемещаться на проблемы партии: ее роли, судьбы, перестройки партии. В партии постепенно стали вырисовываться два крыла, скорее, даже два направления политического мышления и практических действий. Одно — консервативное, неоформленное, но наиболее влиятельное в Центре и на местах. Другое — демократическое, реформаторское. Его представляли генеральный секретарь и те, кто его поддерживал. Позднее оформилась и «Демократическая платформа» в КПСС. Принципиальных различий в общеполитических ориентациях реформаторов в партийном руководстве и «Демократической платформы», полагает Медведев, не было: «демплатформовцы» лишь резче ставили вопросы демократизации внутри-

партийной жизни, выступая против демократического централизма, за признание свободы фракций в партии, с чем руководство КПСС согласиться не могло. Но и те, и другие были в партии меньшинством.

Никакого иного пути, кроме постепенного, последовательного реформирования и реорганизации партии, перемальвания доминировавших в ней настроений, настаивает Медведев, не было ни в 1988—1989 гг., ни позже. На раскол партии можно было бы пойти, если бы реформаторы могли опереться на какое-то ядро в центральных партийных учреждениях и получить поддержку, пусть не всеобщую, но преобладающую в ее низах. Что-то для этого делали. Просвещали, объясняли необходимость перемен — сначала, придерживаясь прежних догм, потом выходя за их рамки. Однако процесс этот шел медленно: ведь все мы были из прежнего времени. Обновили состав политбюро, вывели из ЦК пенсионеров. Но это были импульсивные, разрозненные действия. Осмысленного плана реформирования партии, превращения ее в партию социал-демократического типа не было. А главное, предпринятых шагов было совершенно недостаточно. Ведь даже Брежнев, пока не одряхлел, постоянно индивидуально работал с кадрами, ежедневно по графику встречался или разговаривал по телефону с 3—5 секретарями обкомов, членами ЦК. Горбачев созывал многочленные совещания, выступал на них, казалось бы, с убедительными речами, но они не задерживались в сознании функционеров. Надо было не только дискутировать, но активнее вытеснять консерваторов, выдвигать и пестовать людей иной формации. Оргработу на местах отдали на откуп консерваторам. Не использовали как следует отделы ЦК; некоторые из них превратились в очаги сопротивления перестройке. Не оправдало себя решение приостановить деятельность секретариата ЦК, принятое осенью 1988 г.

В этих условиях попытка расколоть партию оказалась бы губительной, привела бы к катастрофе, к быстрому поражению перестройки. «Мы прикинули, — рассказывает Медведев, — со-

отношение сил на XXVIII съезде: примерно 250 «демплатформовцев» из 4,5 тыс. делегатов. Горбачев, будучи президентом, не мог бросить партию, освободившись от поста генсека, как предлагали и требовали многие. Я считал и говорил ему, что в таком случае с ним в партии останутся лишь небольшие группы интеллигентов, демократически мыслящих людей. Основная же партийная масса пойдет за Лигачевым и Полозковым. И тогда сроку вам и как президенту месяц-другой; вас сметут. Это было мое личное мнение, но оно опиралось на то, что я знал и видел в Москве и в поездках по стране. На XXVIII съезде Горбачев сохранил за собой пост генсека, но практически он уже не мог заниматься делами партии, как прежде, и она шаг за шагом превращалась в оппозиционную президенту силу. Чем это закончилось — хорошо известно».

Такова точка зрения другого видного партийного реформатора⁴¹. Вероятность того, что хирургическая операция на теле тяжело больной партии привела бы именно к тем последствиям, о которых говорил Медведев, была велика. О том, что она сопряжена с громадным риском, я писал выше. Но вызывает серьезные сомнения, что эту партию вообще можно было преобразовать, используя привычный инструментарий: ее регулярные структуры и вертикали власти, сохраняя принцип «демократического централизма». Чуть перефразируя известное изречение, надо признать, что узок был круг реформаторов наверху и далеки они были от десятков и сотен тысяч консервативных аппаратчиков и идеологов, задававших тон среди миллионов партийцев. Брежнев мог успешно замыкать на себя секретарей обкомов, потому что его задача ограничивалась консолидацией своего клана в рамках действовавшей системы. Задача, стоявшая перед Горбачевым и его единомышленниками, была не только масштабнее, но и качественно иной: требовалось демонтировать прежнюю систему и создать новую.

На это, какую разъяснительную работу ни проводи, могли пойти лишь немногие из властной партийной страты, а обновле-

ние ее даже за счет, казалось бы, иных страт, как свидетельствуют примеры Гидаспова и других функционеров, упомянутых Медведевым, показали: какую разъяснительную работу ни веди, обновление этого слоя мало что меняло. Состав XXXVIII съезда тоже был целенаправленно сформирован аппаратом. Переиграть его на кадровом поле немногочисленные реформаторы-обновленцы не могли, даже если бы у них был на то разработанный план и все силы были бы брошены на оргработу.

Позиции консервативного крыла в партии не ослабевали, а упрочивались — на него работали трудности и противоречия перестройки. После XXVIII съезда консерваторы стали переходить в наступление. Они не только требовали изгнать прогрессистов из партии, но и начали исключать — при попустительстве Горбачева — сперва «демплатформовцев», а накануне путча и Яковлева. Но даже если предположить, что реваншистов можно было окоротить, чтобы привести КПСС к польскому или венгерскому образцу, на то потребовались бы десятки лет. Такого времени у реформаторов не было.

В 1957 г. Хрущев пошел на революционный шаг. Он апеллировал к ЦК через голову политбюро и выиграл. От Горбачева и его сторонников требовалось большее: обратиться к партийным массам в обход официальных партийных структур, которые контролировал аппарат, открыть «огонь по штабам» (разумеется, в цивилизованной, а не в китайской форме), мобилизовать и самоорганизовать приверженцев демократии снизу. Для этого следовало, в частности, интенсифицировать деятельность горизонтальных партийных структур, зародыши которых увидел и в общем одобрил Медведев на конференции парторганизаций Академии наук в Звенигороде. Но оценить в полной мере революционный потенциал этих структур (которые, правда, находились лишь в эмбриональной, так и не развившейся стадии) реформаторы не смогли.

И здесь от оценки мнений, личных качеств и амбиций героев перестройки, возможности и ставки риска, который безуслов-

но присутствовал бы в отчаянно смелом, гипотетически вообразенном маневре, я перехожу к более общему вопросу: был ли возможен более спокойный и плавный переход, нежели тот, который дал трагические выбросы через два и четыре года? Это самый главный и самый трудный вопрос. У меня и сегодня нет на него категорического ответа.

ИСЧЕРПАНИЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Перестройка подходила к концу своего пятого года, так и не решив до конца ни одну из вызвавших ее к жизни проблем. Характерный разговор об итогах 1989 г. состоялся весной следующего года в кремлевском кабинете Леонида Абалкина, назначенного после I СНД СССР вице-премьером по экономической реформе. Он пригласил группу ученых, известных острой постановкой актуальных проблем, и сформулировал перед нами ряд вопросов. Первый: экономическая реформа нуждается в радикализации, но степень готовности к ней разных слоев и регионов страны различна. Что надо делать, учитывая неготовность к тому значительной части общества? Второй: углубление реформы требует общественного согласия. Упущен ли шанс на его достижение? Если нет, то как его добиться? Если да, то как смягчить последствия социальной катастрофы?

Эксперты были единодушны во мнении, что события опережают действия властей, а в обществе нарастают тревога и усталость от политической неразберихи. Опросы показывают: две трети населения считают, что они от перестройки ничего не выиграли. Прибалтика идет впереди, а в России, на Украине и в Белоруссии сплотить большинство (скажем, три четверти граждан) вокруг какой-либо четкой платформы уже невозможно. Однако около половины населения, говорил Леонид Гордон, объединить можно. При этом возможны два варианта. Первый: союз партийно-государственного руководства и аппарата с малоквалифицированными работниками и большой частью крестьян. Второй: реформаторы в руководстве КПСС плюс радикально настроенная

часть общества, которую представляют МДГ, «Демократическая платформа в КПСС», рабочие забастовочные комитеты в Кузбассе. Было бы странно, развивал эту мысль Овсей Шкаратан, если бы реформаторы решили опереться на глухомань. В переходные периоды решающая роль принадлежит центрам.

Татьяна Заславская назвала сторонников радикальных действий основной политической базой перестройки: между ними и Горбачевым нет объективных противоречий. Поражают поэтому репрессии, обрушенные на «демплатформовцев». Консервативное склонение в партии оценили как «национальную катастрофу» и другие участники совещания. К широкому консенсусу, по мнению Николая Лапина, мы сможем подойти лишь в перспективе, время для лобовых методов обеспечения единства прошло. Надо учиться жить в условиях постоянного конфликта, вырабатывая механизмы совмещения и примирения разных подходов.

Участники встречи приводили данные: рейтинг членов политбюро вдвое ниже, чем у лидеров МДГ. Высоким рейтинг был только у Горбачева, Рыжкова и Шеварднадзе, у Лигачева же — минус 70. В таких условиях, предлагали эксперты, надо переносить центр тяжести власти от партии к правительству, а в самой партии легализовать фракции и вести дело к расколу. Если этого не сделать, то люди, дорожащие своим авторитетом, не смогут в ней оставаться⁴².

Представления экспертов не соответствовали, однако, тому, на что были готовы пойти даже наиболее прогрессивные реформаторы. Деятельность партии, в том числе ее высшего руководства, приобретала все более консервативный, охранительный характер. Попытки подтолкнуть процесс обновления снизу тоже терпели неудачу. Сознывая, что страна переживает критический период, а ее судьба находится на развилке, демократы решили призвать к предупредительной политической забастовке. Однако акция не была подготовлена. Идя на резкое противостояние с властью, демократы переоценили свое влияние, что отчетливо

продемонстрировал слабый отклик на их призыв. Становилось более или менее очевидно, что при данной ориентации высшего партийно-государственного руководства и при сложившемся соотношении сил добиться на союзном уровне большего пока невозможно.

Экономическая мотивация в широком масштабе так и не заработала, политические устремления начинали казаться тщетными. Надеться можно было на то, что ведущая роль перейдет к моральному фактору, притягательной окажется сила нравственной позиции. Такое не раз бывало в иных странах в критические моменты их истории. Был такой полюс притяжения и в СССР — академик Сахаров с его непререкаемым гражданским и личным авторитетом. «Мы должны защищать перестройку, — говорил он в одном из своих последних выступлений, — если нужно защищать ее от тех или от того, кто был ее инициатором... Мы все еще надеемся на спокойный, эволюционный ход развития...»⁴³.

В декабре 1989 г. мне довелось выступать на телевизионном круглом столе в Буэнос-Айресе. Ведущий спросил: кого вы можете назвать человеком уходящего года? Несколько человек назвали аргентинского президента Карлоса Менема, два или три — под впечатлением только что рухнувшей берлинской стены — Горбачева. Я уверенно сказал: «Сахаров». Несколько дней спустя пришла весть о его смерти. У демократов остался только один лидер, вокруг которого можно было объединить силы, — Ельцин.

Я ВСПОМИНАЮ...

СРАЖЕНИЕ ЗА «САХАРОВСКИЙ СПИСОК»

Выборы депутатов от Академии наук — один из самых ярких эпизодов весны 1989 г., пример четкой общественной самоорганизации, сражения, проведенного по всем правилам политической стратегии и тактики и увенчавшегося решительной победой демократов над академическим истеблишментом.

Академии наук СССР как общественной организации было выделено 25 мандатов, т. е. вчетверо меньше, чем КПСС, профсоюзам и колхозам (кооперативам), втрое меньше, чем комсомолу, женским и другим организациям. По правилам, разработанным в Центральной избирательной комиссии (ЦИК), которую наделили не только правоприменительными, но и нормотворческими функциями, в выборах имели право участвовать все академики и члены-корреспонденты АН независимо от их места работы (их насчитывалось тогда около тысячи человек) и представители академических институтов (1 делегат от 100 сотрудников). Выборы надлежало провести на конференции АН. Ей должны были предшествовать собрания коллективов в институтах и лабораториях, где можно было назвать имена выдвиженцев. Затем на заседании Президиума АН следовало отобрать кандидатов для тайного голосования на конференции.

В декабре 1988 г. — начале января 1989 г. в академических учреждениях прошли собрания. Уровень профессионализма, политизированности и относительной независимости сотрудников был здесь выше, чем в среднем по стране, и среди выдвиженцев лидировали люди, зарекомендовавшие себя в годы перестройки и до нее приверженцами демократических преобразований. Андрея Сахарова выдвинули 55 институтов, Роальда Сагдеева (одного из нескольких депутатов прежнего Верховного Совета, которые проголосовали против указов Президиума ВС, ужесточивших порядок проведения митингов) — 24, Дмитрия Лихачева — 19, Гавриила Попова — 16, Николая Шмелева — 11 и т. д. На собраниях были также избраны выборщики на конференцию АН. На собрании ИМЭМО я предложил кандидатуру Сахарова и стал выборщиком от института.

18 января состоялось расширенное заседание Президиума АН, в котором, помимо его членов, приняли участие члены бюро отделений, директора институтов — весь начальствующий состав. Академия была, конечно, советским учреждением, но не совсем обычным. Вобравшая в себя значительную часть людей,

которых можно было назвать цветом советской науки, ученых с мировым именем, она позволяла себе некоторую независимость. Академики воспротивились исключению Сахарова, когда он был сослан в Горький, а при выборах в Академию тормозили или даже проваливали наиболее одиозных выдвиженцев власти. В 1964 г., когда усилиями Сахарова, Тамма и др. было заблокировано избрание лысенковца Нуждина, Хрущев даже пригрозил разогнать Академию. Дух «вольномудства» гулял и по академическим институтам. Однако назначение на начальствующие посты и в Академии жестко контролировал отдел науки ЦК КПСС, одно из самых ретроградных его подразделений. Поэтому не удивительно, что на расширенном заседании Президиума, занявшегося 18 января выдвижением кандидатов, ни один из ученых — лидеров общественного мнения не набрал при голосовании достаточного числа голосов. Из списка ученых, выдвинутых институтами, были номинированы только начальствующие лица. Более того, на 25 мест, отведенных Академии, оставили 23 кандидата. Чтобы погасить скандал, ЦИК тут же сократил квоту АН до 20 мандатов, отдав 5 мест научным обществам и ассоциациям.

Такова предыстория. История академических выборов началась 2 февраля, когда по инициативе сотрудников АН Александра Собянина, Анатолия Шабада и Бориса Волкова (Физический институт), Михаила Мазо и Людмилы Вахниной (Институт химической физики), разославших информацию по институтам АН, состоялся митинг у стен Президиума АН. Более трех тысяч человек заполнили площадку и дорожки перед зданием. На митинге была четко выражена позиция академического сообщества: предпочтения Президиума АН и коллективов институтов оказались противоположны.

В одной из принятых резолюций участники митинга предлагали отменить решение Президиума и произвести повторное выдвижение. В обращении к членам АН говорилось: «Поведение большинства участников заседания представляется безнравст-

венным. Воспользовавшись унаследованным от прошлого монопольным положением, они выдвинули людей, за которых высказались, как правило, одно — от силы два академических подразделения, по большей части те, которые возглавляют сами кандидаты. По сути дела, руководители Академии выдвинули самих себя и, мало того, оградили себя от избирательной борьбы с более достойными и более сильными кандидатами... Нет никакой уверенности, что в других ситуациях их решения будут отвечать необходимым этическим требованиям». Резолюция призвала переизбрать Президиум АН. Обращаясь к 23 выдвинутым кандидатам, участники митинга, отмечая, «что и в этом списке есть несколько кандидатов, пользующихся общественной поддержкой», призывали всех, «кому дорога честь своего имени, кому дороги идеалы перестройки, снять свои кандидатуры» и открыть тем самым путь к повторному выдвижению. Уважающим себя ученым, говорили ораторы, неловко стоять в списке, из которого исключен Сахаров. Научных работников страны митинг призвал безотлагательно заняться созданием объединения ученых на демократической основе⁴⁴.

Так была обозначена программа действий. Но чтобы ее реализовать, следовало создать центр, способный предложить рациональную стратегию и тактику кампании, организовать поддержку академических институтов по всей стране. И такой центр возник сразу же после митинга на самостоятельной основе. Это была группа «За демократические выборы в АН», в которую помимо уже названных организаторов митинга вошли Давид Бериташвили (Институт молекулярной биологии), Владимир Вологодский (Физический институт), Михаил Гервер (Институт физики Земли), Леонид Гордон (Институт международного рабочего движения), Эмиль Дабагян (Институт Латинской Америки), Марина Журиная (Институт русского языка), Алексей Захаров (Институт океанологии), Константин Куранов, Лидия Мягченкова (Институт физической химии), Юрий Мархашов (Институт международного рабочего движения), Евгений Саво-

стьянов (Институт комплексного освоения недр), Марина Салье (Институт геологии и геохронологии докембрия, Ленинград), Николай Санько (Институт космических исследований), Григорий Сурдутович (Новосибирск), Евгений Хелимский (Институт славяноведения и балканистики), Валентина Холодова (Институт физиологии растений), Ше Мидон (ВНИИСХ ВАСХНИЛ), Виктор Шейнис (Институт мировой экономики и международных отношений), Юрий Шиханович (Институт научно-технической информации) и др. — в общей сложности 40—50 человек. В течение 2—3 месяцев эти люди, оставив все дела, занимались академической избирательной кампанией. Ничего подобного в истории Академии не было ни до, ни после. Инициатива эта вскоре вышла за рамки АН, она продемонстрировала возможности общественной самоорганизации, стала фактом политической жизни общества и оказала влияние на весь избирательный процесс в стране.

Самым простым решением была бы отмена результатов голосования 18 января и повторное выдвижение кандидатов. К этому можно было бы прийти, если бы Президиум согласился пересмотреть принятые решения или если хотя бы 4 кандидата из 23 взяли самоотвод. Тогда образовалась бы вакансия, воспользовавшись которой, можно было бы выдвинуть неограниченное число дополнительных кандидатур. Члены инициативной группы вступили в переговоры с представителями Президиума и кандидатами. Они, однако, оказались безуспешными. Даже те члены Президиума, которые молчаливо признавали нашу моральную правоту (например, академик Владимир Кудрявцев), из соображений корпоративной солидарности утверждали, будто возврат к выдвижению нарушит закон. Что же касается кандидатов, то даже наиболее совестливые из них не решились на столь нетривиальный, неконформистский шаг. Одни — в силу все той же групповой этики, другие — в расчете на легкий путь прохождения в престижный орган⁴⁵. Оставался единственный путь: провалить на выборах возможно большее

число официальных кандидатов и тем самым сделать неизбежным второй тур. Чтобы добиться этого, инициативная группа развернула работу по двум направлениям. Прежде всего необходимо было добиться единодушного голосования выборщиков от институтов, а для этого — укрепить настрой, который выявился в коллективах при выдвижении кандидатов. Подразделения Академии должны были оперативно получать всю информацию о развитии событий, о переговорах, решениях, которые принимала инициативная группа. С этой целью она готовила и рассылала информационные и рекомендательные материалы, проводила консультации, направляла своих посланцев на собрания в институтах. Так, по собственной инициативе и на собственный кошт объехал ряд уральских и сибирских институтов Евгений Савостьянов. Было проведено несколько собраний основных и резервных делегатов от институтов. Кульминационным пунктом стало состоявшееся 1 марта собрание, на котором присутствовало около 200 человек, представлявших 30 тыс. сотрудников академических институтов.

Учитывая настроения, преобладавшие в то время в институтах, это была сравнительно простая задача. Однако контрольный пакет голосов на предстоявшей конференции был не у выборщиков, а у академиков и членов-корреспондентов⁴⁶. Добиться желаемого результата можно было, лишь получив поддержку нескольких сот избирателей — членов Академии. Здесь нужен был гораздо более осторожный и выборочный, по сути, точечный подход. Знаменем нашей избирательной кампании стал академик Сахаров. Выдвинутый и по московскому национально-территориальному округу, он принял тактически точное решение: уступил московский округ Ельцину, чтобы самому баллотироваться только от Академии, хотя включение Сахарова в академический список было тогда еще под вопросом. Инициативная группа настойчиво искала и нашла союзников среди академиков и членов-корреспондентов, обсуждавших с нами каждый поворот кампании, участвовавших в разработке документов и влиявших на

своих коллег. В их числе были Николай Николаевич Воронцов, Михаил Владимирович Волькенштейн, Александр Викторович Гуревич и другие. Гостеприимный дом Волькенштейна и его жены Стеллы Иосифовны стал одной из штаб-квартир инициативной группы.

20 марта во Дворце молодежи на Комсомольском проспекте открылась конференция АН. Райисполком сначала разрешил, но в последний момент под надуманным предлогом запретил проведение митинга. Поэтому делегатов конференции встречали перед зданием пикетчики с плакатами. Фойе было увешано призывами обеих сторон — представления об избирательных процедурах были еще младенческими, и агитация накануне голосования не была запрещена. Лозунги инициативной группы провозглашали: «Без Сахарова горько!», «Решительное нет — наглому да!» «Народный депутат — это вам не народный академик!». Кто-то сочинил вирши: «Кто здесь лучше, кто здесь хуже — сморщив мозг, не думай, друже. Будет лучше, говорят, всех вычеркивать подряд». Кто-то обыграл присутствие в списке кандидата, уже побывавшего в «застойном» Верховном Совете: «Свободу академику Михалевичу, отсидевшему два срока в Верховном Совете!» Не оставалась в долгу и другая сторона. Ее призывы гласили: «Выборы — да! Бойкот — нет!», «Не доверяйте крикунам и демагогам! Они тормозят перестройку!», «Нет анархии! Голосуйте за законно выдвинутых кандидатов!».

По сути, во Дворце молодежи заявили о себе два центра, вокруг которых шла политическая кристаллизация: Президиум АН вместе с представителями ЦИК, с одной стороны, и инициативная группа — с другой. Соотношение сил до самого конца оставалось неясным. Поэтому демократы призывали не бойкотировать выборы, а голосовать против всех: при неизбежном рассеивании голосов «за» только это могло освободить достаточное число вакансий. Обсуждение началось утром и продолжалось до полуночи. Страсти накалились. Приведу по моим записям некоторые высказывания ораторов.

Сахаров: АН — это не управляющие структуры, а институты, где делается наука. Негодование вызвало не то, что не выдвинут Сахаров, а то, что была проигнорирована воля научных учреждений.

Шаталин: Мне было стыдно, что я член Академии. Уверен, что завтра появятся вакансии.

Богомолов: Решения, принятые 18 января, законны. Но нравственен ли выбор? Случаен ли характер отсева? В нем проявилась позиция верхушки АН.

Очень резкую телеграмму прислал из Новосибирска академик А. Д. Александров, попавший незадолго перед тем в автокатастрофу: Операция 18 января — издевательство! Оно должно получить отпор. Надо сорвать комедию выборов, научить людей уважать свои обязанности.

Другие академики (Кабанов, Примаков, Говырин и др.) призывали не раскалывать Академию. На заседании Президиума закон, хотя он и не совершенен, был соблюден, говорили они. Его надо изменить. Это смогут сделать те, кто выдвинуты и кого следует избрать. Не попавшие в список не отстранены от общественной жизни. Они могут выступать в печати, по радио... Не вычеркивайте всех! Итоги обсуждения подвел президент АН Марчук: он призвал голосовать, как подсказывает совесть. Иные пути незаконны или аморальны⁴⁷.

Голосовали на следующий день. Делегаты и наблюдатели от институтов контролировали каждое движение членов избирательной комиссии. По настроению в кулуарах можно было догадываться, кто выигрывает. Однако результаты превзошли самые смелые ожидания: из 23 официальных номинантов были «выбиты» 15 человек. Освободились 12 мандатов.

К вечеру инициативная группа подготовила список из 22—23 выдвинутых на второй тур. Я немедленно позвонил Сахарову, сообщил итоги голосования и прочел новый список. Затем я показал его Кудрявцеву. «Пойдет!» — ответил Владимир Николаевич, по-видимому, понимавший, насколько скандальным было го-

лосование 18 января. Расширенному Президиуму не хватило «аппаратного разума» Горбачева и его помощников, которые сбалансированно сформировали «партийную сотню». Ведь если бы академик Коптнов («Я голосовал и буду голосовать против Сахарова!»), — сказал он) и ему подобные не дали волю своему озлоблению, если бы в список был включен хотя бы один Сахаров, а лучше еще два-три демократических номинанта, академическая кампания вряд ли бы вызвала такую мобилизацию антиаппаратных сил. Но теперь уже их влияние было зафиксировано в цифрах голосования⁴⁸.

В последний день конференции, переместившейся в актальный зал МГУ на Ленинских горах, делегации предложили около 80 кандидатур на второй тур выборов и приняли очень важное решение: в депутаты может быть выдвинут любой сотрудник АН, а не обязательно академик или член-корреспондент. Работа инициативной группы вступила в новую фазу, и цикл повторился: подготовка и рассылка обновленных информационных и рекомендательных материалов, представление «своих» кандидатов, обеспечение их поддержки возможно большим числом институтов. Вслед за списком, составленным Президиумом АН на основе всех предложений и включавшим 142 претендента, в подразделения Академии был разослан перечень кандидатов, которых просила поддержать инициативная группа. На сей раз кандидатуру Сахарова выдвинули 216 институтов⁴⁹, Сагдеева — 181, Шмелева — 149 и т. д. 10 апреля для выдвижения кандидатов вновь собрался Президиум АН, но в узком составе. Руководители Академии сочли, что 37 академиков (а не 190, как в прошлый раз) проголосуют более ответственно. Так оно и получилось: в списке из 25 человек оказалось 12 номинантов инициативной группы.

Вторая избирательная конференция АН состоялась 19—21 апреля. На 12 свободных мест большинством голосов были избраны исключительно кандидаты, поддержанные демократическими силами Академии: известные ученые, активные «пере-

стройщики», в большинстве своем люди, не занимавшие высоких административных постов: Николай Шмелев, Сергей Аверинцев, Вячеслав Иванов, Юрий Карякин, Геннадий Лисичкин, Андрей Сахаров, Николай Петраков, Роальд Сагдеев, Павел Бунич, Александр Яковлев, Георгий Арбатов, Виталий Гинзбург⁵⁰.

Выборы в Академии наук, наряду с голосованием избирателей Москвы и Ленинграда, стали одной из самых значительных побед демократических сил на выборах 1989 г. Они позволили послать в первый перестроечный парламент плеяду ярких демократических политиков, наложивших заметный отпечаток на его работу, особенно в ходе I Съезда. Выборы показали, что можно сделать в нашей стране, когда активные люди начинают формировать ячейки гражданского общества, навязывают власти игру не по тем правилам, которые она установила. На волне этой первой кампании возник межинститутский Клуб избирателей АН, которому было суждено сыграть заметную роль во время следующих — российских выборов, а затем — в экспертной поддержке демократических депутатов.

К сожалению, в последующие годы порыв этот ослабевал. Возникшие было связи и структуры, оказавшиеся не в состоянии решать актуальные для ученых проблемы, распались, а накопленный в 1989—1890 гг. политический капитал был в значительной мере девальвирован. Было ли это предопределено изначально? Не думаю. Причин, по которым политические склонения в институтах Академии наук стали меняться, а сообщество ученых утратило самостоятельную роль в развитии событий, было немало. Но главным, на мой взгляд, было то, что реформаторы бросили фундаментальную науку на растерзание стихийным рыночным процессам. Конечно, в многолюдных академических институтах, типичном порождении командно-распределительной системы, накопилось немало балласта — неэффективных звеньев. Но во всем мире при финансировании фундаментальных исследований значительную, а часто и решающую роль играет государство. Отказавшись от этого, люди, пришедшие к власти,

и депутаты, занявшиеся другими делами (а среди тех и других было немало выходцев из Академии), допустили непростительный просчет. Стратегический — ибо научные институты представляли собой неопределимый ресурс, оставшийся от советского общества. Тактически-политический — демократы отдали на слом важный компонент собственной социальной базы. Моральный — небрежение судьбами людей было расценено как предательство. Но и у академического сообщества не хватило сил ни защитить собственные интересы, ни оказать более существенное влияние на преобразование страны и власти.

МЕЖРЕГИОНАЛЫ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Две выразительные картины попеременно сменяют одна другую в моей памяти.

29—30 июля 1989 г. первое вне стен Кремля организационно-учредительное собрание Межрегиональной депутатской группы (МДГ). На подходах к Дому кино — небольшая, но плотная толпа симпатизирующих граждан. Вход строго по списку. Когда в узком проходе между легкими заграждениями появляются узнаваемые ораторы МДГ, раздаются аплодисменты. Им дарят цветы. В большом зале вместе с приглашенными — несколько сот человек. Через несколько часов объявляют перерыв. Толпа у Дома кино не уменьшается. Кто-то уходит, приходят новые люди. Съезд закончился, не приняв решений, которых ждали. Теперь все надежды — на демократов: должен же кто-то изменить ход событий...

Десять лет спустя, 28—29 мая 1999 г., поистине в другой стране мемориальная встреча тех, кто вспомнил и пришел. Те же люди, но без молодого задора и отваги, без всепоглощающей веры в достижимость самых невероятных целей. Сначала — фуршет в Доме кино, на следующий день — в Международном университете. Здесь собравшихся послушать ораторов уже втрое меньше, чем вчера на фуршете, а после перерыва ушла еще половина. В зале — от силы несколько десятков человек. Нет воз-

дей, нет именитых приглашенных. Просил извинить его Юрий Афанасьев, «горячие дружеские приветы» прислали из Варшавы Сергей Станкевич, из Парижа Анатолий Собчак, из Вашингтона Олег Калугин (не депутат СНД и не член МДГ). Михаил Сергеевич, улетая в Австралию («жизнь расписана на два года вперед»), заявил, что МДГ ему дорога. Борис Николаевич, как сообщили собравшимся, «вроде бы дернулся, но здраво оценив ситуацию, не пришел, хотя через третьи руки передал привет».

В вялой дискуссии — извечное «*Кто виноват?*». «Виноваты мы, наши ошибки, а не идеи, в которые мы верили». «Мы с горечью и раскаянием должны признать, что вовремя не разглядели... Ельцин — злой гений России и ее народов...». «Все ныне действующие партии — и правящие, и оппозиционные — партии бюрократии». И еще, конечно, «*Что делать?*». «Солидарно выступить на защиту своих бывших членов, подвергшихся репрессиям». «Не осуждать не только руководителей, но и друг друга». «Создать коммерческий центр, заработать деньги и учредить клуб». «Создать собственный полюс борьбы за власть, которая будет отражать интересы простого человека». Спор: «Надо потребовать запрета КПРФ». — «Нет, это очень опасно!» — «Ничего не опасно. Кто пойдет их защищать? Кого Зюганов выведет на улицы?» — «Это не конституционно!» — «А октябрьский переворот был конституционен? Надо разом покончить с этой преступной организацией, тогда и вся ситуация станет легче и проще».

Не слишком внимательно слушали. Вопросами и репликами уводили в сторону. Каждый говорил свое: экологические угрозы, научно-технический прогресс, модели развития: американская, европейская, японская... С места кричали: «Кому нечего сказать, пусть лучше не выходит». И выходили — не только на трибуну, но и из зала — покурить, поговорить, повспоминать...

Запись в моем дневнике: «Обидно, тоскливо, больно наблюдать остатки той группы, с которой были связаны главные надежды. Всеми забытые, никого не интересующие, без прессы,

без телекамер, разошедшиеся по разным дорогам, некогда на короткий момент оказавшиеся в авангарде... А сейчас собраны с бору по сосенке на деньги, которые где-то добыл Мурашев». (Позднее я узнал, что добыванием средств озаботились также Бурбулис и Прусак.)

Таков известный финал. И все-таки вернемся в 1989 г. На третий день работы Съезда, после того, как ряд предложений демократических депутатов был провален и объявлены результаты выборов в Верховный Совет, вслед за Афанасьевым, бросившим перчатку в лицо «агрессивно-послушному большинству», выступил Попов. «Аппарат одержал, безусловно, свою победу, но, в общем-то, победить было нетрудно... здесь, в этом зале. Но кто, спрашивается, победит инфляцию в стране, кто победит пустые полки магазинов, кто победит некомпетентность руководства?». Мы, говорил оратор, работали день и ночь, писали документы, готовы были включиться в конструктивную работу. Но раз так, «...нам остается подумать об изменении позиций... Мы предлагаем подумать о формировании независимой депутатской группы и приглашаем всех товарищей депутатов, чтобы они к этой группе присоединились»⁵¹.

Это, конечно, была «домашняя заготовка», объявленная довольно осторожно: даже название предложенного объединения — межрегиональная группа — было нарочито нейтральным, лишенным политической окраски. Но надо вспомнить расхожую политическую лексику того года, чтобы оценить, как прозвучала инициатива демократов в съездовском зале, охваченном «энтузиазмом послушания» (выражение Адамовича). «Вы сегодня предложили Съезду создать фракцию — это безумие», — заявил директор зверосовхоза из Карелии⁵², привыкший, как и большинство других депутатов, прошедших школу партучебы, видеть во фракциях нечто чуждое и враждебное существующему порядку. Собственно, так оно и было. Попов, раздраженно реагируя на поведение Горбачева, бросил: «он хочет партию оппозиции — он ее получит»⁵³.

Численность МДГ определить непросто: никакого четко зафиксированного членства в ней не существовало. В дни работы I Съезда и сессии Верховного Совета свое участие в собраниях группы обозначили 316 депутатов (в том числе около 90 членов Верховного Совета), однако позднее не все они вошли в ее состав. На июльском собрании было объявлено, что в той или иной форме свое участие в деятельности МДГ подтвердили 269, а до того желание стать ее членами изъявляли еще 119 депутатов. Складывая эти цифры, получаем максимальную численность МДГ — 388 человек⁵⁴, но в голосованиях на собрании участвовали только 180 межрегионалов. «Твердых» членов группы начитывалось в 1989 г., вероятно, 200—250. Можно примерно оценить влияние группы на депутатский корпус: за ее предложения на I Съезде голосовало от 379 до 831 человека. Это означало, что при благоприятных условиях демократы могли созвать внеочередной съезд (нужны были подписи 1/4 депутатов) и даже заблокировать решения, требовавшие 2/3 голосов.

Это была внушительная, хотя, конечно, не доминирующая сила. На июльском собрании предстояло организовать и обсудить, как ею распорядиться. В двухдневной дискуссии выступили несколько десятков депутатов. Обсуждали главным образом три сюжета: ситуация в стране, отношения с властью и задачи межрегионалов⁵⁵. Тон обсуждению во многом задали концептуальные доклады Попова и Афанасьева.

Оценивая ход событий, ораторы говорили, что решения Съезда оказались неадекватными развитию грозных процессов. Сейчас, сказал Попов, спор идет уже не между сторонниками и противниками перестройки, как в 1985 г., и не среди сторонников перестройки — за выбор аппаратного или революционно-демократического варианта, как было еще недавно. После Съезда и забастовок развитие все равно примет революционно-демократический характер, но может пойти либо правовым, либо стихийным путем. Стихийный же штурм власти приведет к гражданской войне, знаменитому русскому бунту, по Пушкину —

«бессмысленному и беспощадному». Перед лицом грозного разворота событий и сотрясающих страну катастроф, говорил Афанасьев, власть действует всегда с опозданием и всегда неуклюже. Ее топтание на месте создает вакуум, который может быть заполнен или стихийными, или организованными действиями. МДГ как раз и пытается отвлечь катастрофу, но этого не хочет понять и изо всех сил противодействует власти.

Критика, пока еще сдержанная, прозвучала в адрес инициатора перестройки и его коллег. В этом вопросе у двух главных идеологов группы можно было заметить некоторые разночтения. Отвергнув «инсинуации», будто МДГ стремится к власти, Попов заявил: наша цель — радикализировать Верховный Совет; все наши действия «целиком укладываются в рамки советского, социалистического плюрализма, но надо, чтобы нынешнее руководство стояло на двух ногах: аппаратной и демократической». Афанасьев пошел дальше. Горбачев, говорил он, совместил все посты, какие только можно представить. «Он единственный на земном шаре и президент, и главнокомандующий, и спикер парламента, да еще и “верховный жрец”... А политический вакуум налицо». Между тем прошло время, «...когда он мог с успехом оставаться и лидером перестройки, и лидером номенклатуры. Сейчас надо сделать выбор. Тем более, что теперь он уже не единственный лидер перестройки». Афанасьев, транслировавший в этой аудитории некоторые идеи Михаила Гелфтера, стало быть, ни о какой опоре на две ноги не помышлял.

Для объяснений с межрегионалами на собрание приехал Примаков. Его речь, мягкая и примирительная по форме, содержала жесткую отповедь: деятельность МДГ может быть полезной, коли вы вместо того, чтобы выдвигать «несуразные требования», станете готовить альтернативные законопроекты, поправки, участвовать в работе комитетов. Несуразными Примаков, вероятно, посчитал элементарные требования группы: предоставить ей помещение, дать возможность издавать собственную газету и т. п. Примаков обвинил межрегионалов в том, что они-де

создают «замкнутую группу», «какую-то организованную ячейку», которая будет противостоять Верховному Совету⁵⁶. Выступление Примакова вызвало резкие возражения депутатов. Руководящая роль партии, сказал Александр Гельман, тормоз перестройки. Запрет 300 депутатам издавать газету — «это просто грубое, я бы сказал, наглое доказательство тому, что никакой власти Съезд народных депутатов и народные депутаты пока не имеют»⁵⁷. Примаков просто выполнял социальный заказ, заявил тульский депутат Лапшов, но мы не опустимся до предложенной нам жалкой роли дискуссионного клуба. Так выглядел обмен любезностями между представителем власти и межрегионалами.

В своих выступлениях депутаты перечисляли неотложные меры, которые необходимо предпринять в экономике в ответ на требования шахтеров, в экологии, при решении национального вопроса, реформировании партии и Советов, а также пересмотре «болтливой и блудливой брежневской Конституции». Развернутую программно-политическую речь произнес Ельцин, требовавший, чтобы партия стала подотчетной Съезду. Но прежде всего, говорили ораторы, следует набраться мужества и преодолеть сидящий внутри всех нас страх. Эмоциональный настрой создавали звучавшие в зале прекрасные стихи. Попов напомнил строки Ахматовой военной поры: «Мы знаем, что ныне лежит на весах / И что совершается ныне. / Час мужества пробил на наших часах, / И мужество нас не покинет». Афанасьев процитировал четверостишие из романа Гроссмана: «Из чего твой панцирь, черепаха? / Я спросил и получил ответ: / Он из мной накопленного страха. / Ничего прочнее в мире нет».

Дискуссия показала крайнюю разнородность МДГ. Еще яснее это стало, когда подошли к деликатной проблеме: кто будет возглавлять группу. Звезд первой величины среди межрегионалов было немало, но только Ельцин обладал опытом руководящей и организаторской работы. Кроме того, именно он привлекал на весенние предвыборные митинги сотни тысяч людей. Он выиграл выборы у ставленника номенклатуры с разгромным сче-

том. Он сыграл роль локомотива для тех московских кандидатов, которые накануне голосования подписали протест против антиельцинских интриг, затеянных партбюрократами: избиратели, голосуя за них, поддерживали Ельцина. Довести до них этот небольшой, но резкий текст было делом техники⁵⁸. Наконец, по своей биографии, антиноменклатурным заслугам, характеру и устремлениям Ельцин отчетливо претендовал на роль лидера.

Здесь, однако, возникла задача. Ельцин не был героем большинства столичной интеллигенции. Его прошлая карьера, крутые виражи в 1985—1989 гг., известная духовная инородность не внушали доверия многим влиятельным членам МДГ. Избрание Ельцина единоличным лидером могло бы повести если не к расколу группы, то к ослаблению связи с нею людей, которые были ее важным политическим и интеллектуальным резервом. Присутствуя в зале в качестве приглашенного, я не знал подробности разгоравшихся за кулисами споров, но чувствовал нарастающее напряжение, нервозность речей и поведения депутатов, когда перешли к выборам руководства. Вот выдержки из выступлений.

Шановаленко: Нам нужен лидер. Предлагаю Ельцина.

Станкевич: Срок полномочий — один год.

Попов: Как будет себя чувствовать руководитель, избранный всего на год?

Болдырев: Хотите создавать жестко централизованную партию — создавайте. Я не участник. Мы формируемся не вокруг лидера (аплодисменты).

Пальм: Только сопредседатели. Лидер — гибельно. Лидером не назначают и не избирают. Им становятся.

В конечном счете вопрос был поставлен на голосование, и большинство высказалось за избрание пяти сопредседателей⁵⁹. Теперь проблему уже можно было решать в ходе свободной игры сил. В бюллетень для тайного голосования были внесены 13 кандидатур. По рейтингу прошли Ельцин (144 голоса), Афанасьев (143), Попов (132), Пальм (73) и Сахаров (69). Расклад голо-

сов выразил реальное соотношение сил внутри МДГ⁶⁰. На этом деле, однако, не кончилось. Вновь заспорили, избрать ли из пятерки одного «главного» председателя, принять ли принцип ротации в ней (предположительно на год, за более дальний горизонт никто не заглядывал) или управлять группой коллективно. Было ясно, что в первом и втором случаях лидером станет Ельцин, занявший первое место по рейтингу. Заславский, Яблоков, Шаповаленко и Попов высказались за ежегодную ротацию; Болдырев («Не хочу быть ни ельцинцем, ни поповцем»), Белозерцев, Игитян — категорически против; Оболенский потребовал переголовования. Большинство согласилось с доводами Афанасьева: объективно Ельцин стал на политической сцене страны второй после Горбачева фигурой. Но не менее важна и слаженность в работе МДГ. В нее входят люди с разными ориентациями. Правильнее создавать группу не вокруг лиц, а вокруг платформы. Руководить должны все сопредседатели на равных, а обязанности распределить, как сложится... После этого был избран координационный совет (КС), в который вошли сопредседатели и еще 20 депутатов. Основную организаторскую работу в КС стал выполнять ее ответственный секретарь Мурашев⁶¹. Не получив помещения в здании, где собирался ВС, межрегионалы расположили свою штаб-квартиру в комнатах комитета ВС по науке, который возглавлял Юрий Рыжов, и в Доме ученых на Кропоткинской.

Решение о руководстве (а по сути о принципе организации МДГ) имело большое политическое значение и долгосрочные последствия. Станет ли группа ядром, вокруг которого сформируется общесоюзная политическая партия, или же сыграет роль сторающей ступени ракеты-носителя для «Демократической России» и восхождения Ельцина на главный российский политический пост? Казалось, руководство МДГ было сбалансировано идеально. По свидетельству Попова, сопредседатели органично дополняли друг друга, а «возникшие внутренние трения мы удачно гасили»⁶². Однако время для нормальной парламентской пар-

тии с коллективным руководством еще не пришло ни в России, ни тем более в СССР. Общесоюзная оппозиционная партия (или движение) могла быть в то время только лидерской, а единственным лидером, способным ее возглавить, был тогда Ельцин. Однако роль, отведенная межрегионалами амбициозному политику, даже не «первого среди равных», а уравненного с четырьмя другими лидерами, не могла стать для него привлекательной. МДГ показала, что не готова стать строительным материалом для политической организации, прокладывающей ему путь к власти. Интерес Ельцина к группе (а тем самым и к действиям на союзной арене) явно слабел. После российских выборов он не только практически перестал участвовать в работе Верховного Совета СССР, в который был проведен с великим трудом и где и до того был не слишком активен, как и в Координационном совете МДГ, но и увел с собой группу наиболее близких к нему союзных депутатов. Сахаров умер. Пальм по мере того, как прибалтийские депутаты все более уходили в сецессию, переставал кого-либо представлять. И «сборная солянка» МДГ, возникшая на волне общего подъема, стала распадаться на части. Если и был какой-то шанс на интегрирующую роль МДГ в демократическом движении, то он, как вскоре обнаружилось, стал исчезать на глазах. С политической сцены уходила единственная организация, которая могла бы отстаивать сохранение Союзного государства на демократической основе.

Все это произошло, однако, чуть позже, а в 1989 г. МДГ была на подъеме. Визитной карточкой группы была плеяда ярких политиков, ораторов, профессионалов высокого класса, выдвинутых перестройкой. Сопредседатели МДГ пользовались высоким авторитетом в обществе. По воспоминаниям Аркадия Мурашева, подлинным лидером группы, «руководителем по факту, всегда державшим руку на пульсе», был Гавриил Попов — теоретик, концептуалист, всецело отдавшийся политической работе. В высшей степени ответственно относился к взятым на себя обязательствам Сахаров: он исправно посещал заседания ВС

(членом которого не был) и КС МДГ. По каждому вопросу у него была тщательно продуманная позиция, его выступления были всегда не только убедительными, но и уважительными по отношению к не согласным с ним коллегам. Скрупулезность ученого-естествоиспытателя неизменно демонстрировал Виктор Пальм. Афанасьев был убедителен и глубок в тех случаях, когда давал себе труд заранее обдумать обсуждавшийся вопрос. Ельцин был минимально активен в самой группе, зато искупал это представительской деятельностью.

Несколько десятков депутатов входили в актив МДГ. Не всегда заметную для публики, но очень важную роль в жизни группы — по сути, политической фракции на Съезде — играли Юрий Рыжов, Галина Старовойтова, Сергей Станкевич, Юрий Болдырев и другие. С очень разными биографиями, жизненным и политическим опытом, да и с разным отношением ко многим накатывавшимся событиям, они влились в группу, по выражению Бурбулиса, «как в плавильную печь». Дискуссии, продолжавшиеся по много часов, нередко приобретали очень острый характер. Это и понятно: ведь основным предметом споров были уровень, масштаб и формы оппозиционности по отношению к власти.

23—24 сентября состоялось второе общее собрание группы. Тон по-прежнему задавали программные выступления Афанасьева и Попова о политической ситуации в стране. За прошедшие месяцы конфронтационный настрой явно усилился — как и натиск на Горбачева. Один за другим ораторы повторяли: надо признать, что МДГ — оппозиция. Почему Горбачеву нет альтернативы? Зачем Сахаров сказал так на I Съезде? Это Достоевскому нет альтернативы, а Горбачеву есть! Мы в оппозиции к нынешней КПСС и не верим в ее очищение, — говорили Игитян, Кудрин, Черняк. Собчак покритиковал Афанасьева за то, что в его докладе многое недосказано, в частности, как быстро ухудшается экономическая ситуация. Бурбулиса не удовлетворила общая формула о том, что МДГ находится в «конструктивной оппозиции»: в стране складывается двоевластие, но в оппозиции не мы. Пусть

себя аттестуют оппозицией те, кто с нами не согласен, — заявил он под аплодисменты зала. Борис Николаевич, сказал Черняк, постоянно подчеркивает, что он не оппозиционер. Вы уже давно оппозиционер, народ Вас таким видит!

Ужесточение позиции, с которой выступали межрегионалы, объяснялось не только углублением кризиса, пробуксовыванием перестройки, наглядной безрезультатностью работы Съезда и Верховного Совета, но и ужесточением позиции власти по отношению к МДГ. Афанасьев, Сахаров, Мурашев и Логунов рассказывали о состоявшейся накануне совещания встрече с Лукьяновым и Примаковым. Мы готовы сотрудничать, говорили оба политика, но на наших условиях: ваше место — в комитетах, а мы определим, что ценно в ваших предложениях. В издании газеты депутатам снова отказали, сославшись на решение Президиума ВС. И это — на фоне появления бесчисленных райкомовских, иных антидемократических листов. Отвергнута была и идея Общественного фонда депутатских инициатив. Если вы начнете раскачивать ситуацию, два или три раза жестко повторил Лукьянов, начнется борьба: не позволим говорить с нами на языке требований.

Наблюдателю из зала могло показаться, что позиция руководителей ВС СССР по отношению к МДГ была однозначной и единой. На деле все было сложнее. В целом, рассказывает Мурашев, выполнявший функцию «офицера связи», отношения были довольно спокойными, существовала даже скрытая кооперация с Горбачевым при решении некоторых вопросов. Увидев, что МДГ состоялась, Горбачев и Лукьянов в частных встречах выказывали благорасположение: мы все хотим одного и того же. При этом, вспоминает Бурбулис, Лукьянов старался вести себя корректно, изыскивая средства разобщить и нейтрализовать МДГ, и был в этом виртуозен. Одних депутатов он одаривал отеческой заботой и, ведя заседания, сразу «замечал» их у микрофонов, других — не видел «в упор».

Позиция же Примакова, говорит Бурбулис, была сложнее: «С одной стороны, он — государственный, на миросозерцание

которого наложил отпечаток тот факт, что он десятки лет занимался вопросами безопасности, был посвящен в тайники советской системы. Примаков по убеждению выполнял свои обязательства перед государством. С другой стороны, как человек глубокий, он видел, что в МДГ сосредоточен интеллектуальный цвет Съезда, с чем нельзя не считаться, понимал историческую неизбежность утверждения либеральных и демократических ценностей. Видимо, в руководстве страны не было человека, который тоньше, глубже и пронизательнее понимал, куда ведут события. Поэтому в дискуссиях с Горбачевым и Лукьяновым он в одних вопросах поддерживал МДГ, в других — соглашался, что ее деятельность надо пресекать»⁶³.

Были, однако, у МДГ в руководстве страны и откровенные враги, не гнушавшиеся сыском и доносами. По свидетельству А. Яковлева, информационные доклады КГБ о деятельности межрегионалов «были полны неприязни, запугиваний, обвинений и ярлыков». Нечего и говорить, что слежка за депутатами, от которой Крючков бесстыдно откешивался, была незаконной. Однако дезинформация, регулярно поступающая к Горбачеву, сбивала его с толку, влияла на его отношение к МДГ. Он, в частности, воспретил Яковлеву посещать собрания межрегионалов⁶⁴. Возможность навести мосты между главным реформатором и главной политической организацией демократов в те критические месяцы, когда развитие событий еще можно было направить по иному руслу, была упущена.

Между тем на свое второе собрание межрегионалы пришли не только с общеполитическими заявлениями. Были подготовлены развернутые доклады по платформе МДГ. По национально-государственному устройству свой анализ и предложения представили Сахаров и Старовойтова, по политическим организациям — Станкевич, по экономике — Травкин, по социальным вопросам — Заславская, по военным — Мартиросян, по экологии — Яблоков, по аграрным проблемам — Емельянов. Это был значительный шаг вперед в депутатской деятельности, реальное продвижение к кон-

структивному парламентаризму, хотя высказанные идеи, как сокрушался Собчак, еще не были выведены на уровень законопроектов. Впрочем, в сложившихся условиях межрегионалы избрали разумную тактику: прогрессивные законопроекты (о свободе совести, праве въезда в страну и выезда из нее, о печати и др.) вносила не МДГ (в этом случае их скорее всего консервативное большинство отклонило бы), а комитеты при активном участии членов МДГ. Эту тактику восприняли демократы в российских парламентах. С обстоятельным докладом о неотложных мерах социально-экономической, национальной, кадровой политики, об отношении к КПСС и созыве чрезвычайного Съезда народных депутатов выступил Попов.

Наиболее заметным оппонентом усиливавшегося конфронтационному подходу межрегионалов был Болдырев. «Существуют, — говорил он, — два разных видения тактики МДГ на Съезде: жесткое противостояние или поиск способов оказывать влияние на принимаемые решения. Поведение многих депутатов диктуют эмоции. Резкими заявлениями мы отбрасываем колеблющихся в лагерь консерваторов. Разговор с властью вести не удастся, но это реакция на зачастую непродуманное, чрезмерное давление. Нам говорят: “Хотите конфронтации — будет вам конфронтация”. Между тем ни одно наше требование, выдвинутое в таких условиях, не прошло. Не следует добиваться чрезвычайного Съезда: наши предложения там будут отвергнуты, а рассчитывать, что граждане в ближайшем будущем отзовут консервативных депутатов, не приходится. Наши предложения надо стараться проводить в комитетах. Если они будут заявлены от их имени, а не межрегионалами, выходящими на авансцену и размахивающими своим знаменем, есть шансы на успех. Пусть ВС будет не левым, но самостоятельным. А в партии надо защищать ЦК от правых». Эта позиция шла вразрез с господствовавшим в МДГ подходом⁶⁵.

Кризис МДГ наступил в конце 1990 — начале 1991 гг. Острые расхождения возникали и раньше — например, следует ли

поддержать призыв Сахарова к всеобщей политической забастовке в конце 1989 г. Однако они, как правило, не проявлялись вовне. Предвестием того, что группе не устоять перед накатом событий, был глубокий раскол на III СНД СССР по вопросу об избрании Президента СССР. Около полутора ста межрегионалов унесли бюллетени. После того, как в январе 1991 г. были предприняты силовые попытки остановить продвижение прибалтийских республик к независимости, их депутаты, входившие в МДГ, ушли со Съезда. Попов тогда говорил, что это игра с огнем: лучше оставаться в СССР, возглавляемым Горбачевым, чем быть вне его, если к власти придут его противники. Но такую позицию разделяли не все. После августовского путча и в дни V СНД СССР межрегионалы уже не собирались. Большая их часть проголосовала за ликвидацию союзного парламента.

Сегодня, подводя итог рано завершившейся деятельности МДГ, подчеркну, что в истории перестройки это было очень крупное и важное явление, которое, конечно, ушло не бесследно. К моменту возникновения этой группы в стране существовали уже сотни неформальных организаций. С позиции властей, МДГ тоже оставалась неформальным объединением, но за ним стояли миллионы избирателей и говорили межрегионалы с самой высокой и — короткое время — самой авторитетной в государстве трибуны. В политическом пробуждении и воспитании общества межрегионалы сыграли выдающуюся роль, демонстрируя достойные образцы речи и поведения в стране, где, как напомнил Левашев на мемориальной встрече 1999-го, пропали не только классы и сословия, но и типажи людей. 200—300 человек вставали, когда Сахаров сходил с трибуны, и сидели, когда вставали 5 тысяч приветствовавших державно-коммунистическую риторику. От МДГ протянулась прямая линия к российским демократам следующей волны.

Справедливости ради следует сказать, что во многом по объективным, но также и по субъективным причинам МДГ не реализовала все заложенные в ней потенции. На мой взгляд, она переоценила силу и недооценила отрицательные последствия не-

контролируемых экономических и социальных процессов. Хотя экономический кризис и распад государственных структур зашли дальше, чем ожидали межрегионалы в 1989—1990 гг., гражданская война и бунты по стране, к счастью, не прокатились. А потому усилившийся алармизм, подталкивавший к жесткому противостоянию власти («Люди устали ждать», — говорил Ельцин на июльском собрании МДГ), был чрезмерен. Нетерпение в обществе в известной мере нагнетали сами демократы.

С этим была связана и другая слабость группы: она явно переоценила свое влияние на общество. В меньшинстве мы в этом зале, говорили межрегионалы, а в стране мы большинство. Депутат Еременко даже назвал соотношение — за нами три четверти населения. Это была типичная политическая aberrация. Большинство граждан, эти самые три четверти или даже больше, к тому времени уже не верили власти. Но надо было быть очень большим оптимистом, чтобы считать, будто власть потеряла всякий контроль над обществом и, случись новые выборы, парламентское большинство составили бы единомышленники межрегионалов. Кроме того, идеологи МДГ, очевидно, недооценили социальную болезненность перехода к новой экономике, к новому государственному устройству. А это означало, что общественная поддержка радикальных преобразований, приступи к ним в духе предложений МДГ, стала бы сокращаться.

Наконец, межрегионалы неверно оценивали расстановку противостоявших им сил. Склонение Горбачева вправо (по принятой тогда политической геометрии), которое проявилось уже в 1989 и усилилось в 1990 г., едва ли может быть поставлено под сомнение: об этом говорят многие приближенные к нему в то время мемуаристы. К этому его в известной мере подталкивали демократы. Но для «правых» он все равно был уже «отрезанным ломтем», и сколько-нибудь прочное примирение с ними едва ли было для него возможно. Поскольку в среде консерваторов вызревала идеология и стратегия социально-политического реванша, Горбачев — инициатор и архитектор перестройки мог им понадобиться лишь

как временное прикрытие. А значит, его реформаторский потенциал (в перспективе нескольких лет, а не месячных зигзагов) еще не был исчерпан, и сбрасывать его со счета, учитывая еще сохранявшиеся в его руках рычаги воздействия на положение в стране, было ошибкой. Но межрегионалы пришли к заключению, что нескольких лет позиционной борьбы в запасе нет, и их стратегия все больше ориентировалась на разрешение противоречий радикальными средствами в близкой перспективе.

Вязкое сопротивление одних, колебания и нерешительность других, нетерпение и активизм третьих направили развитие СССР в такое русло, в котором для МДГ не осталось места. А жаль, это был неплохой проект.

ПАМЯТИ А. Д. САХАРОВА ⁶⁶

Уходят в невозвратное прошлое, отодвигаются валом набегающих событий скорбные декабрьские дни 1989-го, и мы начинаем — только начинаем! — понимать, кем и чем был Андрей Дмитриевич Сахаров в жизни нашей страны. Осознавать его гениальность. Его заблуждения, какие в былые времена он разделял со столь многими, но которые он понял первым и сделал все, чтобы исправить то, что можно — и даже то, что нельзя было изменить. Его безукоризненно строгие выводы из размышлений о стране и мире, диагноз ученого, к пониманию которого лишь теперь подтягивается наше общество. Его бесстрашную независимость, которая задавала нравственные ориентиры в стране, где десятилетия жесточайшего террора и духовного растрепания приучили целые поколения к безответной и безответственной вере, к послушанию и отречению от себя.

В новой и старой истории России немного можно назвать людей, чьи заслуги перед государством и обществом были бы так велики и неоспоримы. Государству он дал оружие колоссальной разрушительной силы, которое позволило стране, пре-

тендовавшей на лидерство во всемирно-историческом процессе, подкрепить свои притязания громадной военной мощью, поддерживать у себя дома имперское сознание и заморозить на десятки лет в Восточной Европе режимы, созданные по образу и подобию этого государства и рухнувшие в одночасье в минувшем году. Современник самой страшной войны в российской истории, Сахаров в водородной бомбе видел не меч, а щит на будущие времена. Как и Эйнштейну, который призвал американское правительство форсировать создание ядерного оружия против Гитлера, а под конец жизни сказал, что, начни он сызнова свою карьеру, предпочел бы стать кем угодно, хоть водопроводчиком, но не физиком, Сахарову пришлось увидеть, что может творить государство под прикрытием такого щита. Прозрение было мучительным, но стал он не водопроводчиком, а глашатаем большой совести нашей интеллигенции. Эйнштейна не захотели слушать. Сахарова предали анафеме, протащили сквозь строй клеветнических кампаний, а когда убедились, что во всем громадном арсенале государства нет средств, которые могли бы заставить замолчать непокорного академика, была проведена чисто уголовная по замыслу и стилистике операция захвата, изоляции и медленного удушения человека, чьим оружием были только мысль, слово и моральный авторитет.

Наследники Сталина, возглавлявшие в то время наше государство, еще раз продемонстрировали стране и миру, что нет таких законов, божеских и человеческих, над которыми они не могли бы надругаться, коль скоро брошен вызов их власти, хотя бы над умами и совестью людей. И напротив, освобождение Сахарова было едва ли не первым доказательством серьезности намерений нового политического руководства, веским свидетельством его перехода от слов к делу — правда, лишь к концу второго года перестройки. Освободив Сахарова из горьковской ссылки, Горбачев надломил устойчивое недоверие к власти со стороны тех общественных сил — в первую очередь, демократической интеллигенции, — которые только и могли стать его

самыми надежными союзниками, главной социальной базой перестроечных процессов до тех пор, пока в них не были вовлечены широкие массы народа. Естественно и органично Сахаров стал политическим лидером, высшим моральным авторитетом, знаменем этих сил.

Когда будут опубликованы протоколы политбюро и другие аналогичные документы, мы увидим, вероятно, как трудно было Горбачеву и его сторонникам провести в том составе партийно-государственного руководства решение, которое знаменовало выразительный разрыв с прошлыми беззакониями и идеологией воинствующего обскурантизма, хотя восстанавливало оно лишь элементарную справедливость. Даже не полностью восстанавливало, ибо первую смелую политическую акцию перестройки провели полугласно: было затушевано, «простило» ли великодушное государство своего гражданина или признало свою неплатную вину перед ним. Потому и возвращение Сахарова к активной общественной деятельности растянулось на ряд месяцев, а месяцев этих, как мы теперь знаем, оставалось мало⁶⁷...

И все же удивительно много успел и смог сделать в эти последние, звездные часы своей жизни далеко уже не молодой человек с подорванным здоровьем, но с ясным умом, обостренным нравственным чувством и несгибаемой волей. Как никто другой, Сахаров внес выдающийся вклад в возрождение в нашей стране структур гражданского общества.

К началу 1930-х годов всё, хотя бы отдаленно напоминавшее эти структуры, любая самодеятельная общественная активность, не контролируемая сверху, была придавлена тяжелым катком тоталитарного государства. Восстановление того, без чего немислима современная цивилизация, началось в 1980-х годах — если не считать небольших и изолированных очагов свободной мысли и гражданского поведения, за которые люди расплачивались свободой, здоровьем и самой жизнью, — практически на пустом месте, на потрескавшемся бетоне. Формирование же всего демократического, «левого» сектора нашего гражданского общества

кристаллизовалось вокруг Сахарова. Прежде всего вокруг Сахарова, ибо его имя, его ясная политическая позиция и безупречный моральный авторитет были бесспорным индикатором и надежной гарантией демократической ориентации выходивших на общественную арену организаций, честности и справедливости тех позиций, на защиту которых он вставал.

Он дал старт клубу демократической московской интеллигенции — «Московской трибуне», возглавил «Мемориал», воздвигнутый «снизу» усилиями тысяч самоотверженных активистов по всей стране, твердо встал на защиту прав населения Нагорного Карабаха, добивался освобождения арестованных членов комитета «Карабах». К нему за поддержкой обращались несчастные месхетинские турки, а также те, чья совесть не могла смириться с кровавой резней в Тбилиси, забастовщики Кузбасса, Донбасса и Воркуты. Ему, с первого дня выступавшему против вторжения советских войск в Афганистан — как прежде в Чехословакию, — в огромной степени обязана наша страна созданием такой общественной атмосферы, в которой нельзя было долее продолжать эту безнадежную и бесславную войну.

В 1989 г. берет начало трудный и непрямой путь нашего общества к демократическому парламентаризму. Оглядываясь назад, мы видим, что то был «год Сахарова». Одно из главных сражений избирательной борьбы в начале года развернулось в Академии наук: консолидация демократических сил в Академии, которым удалось перечеркнуть список чиновников, отобранных чиновниками же, шла вокруг Сахарова и его программы. Победа этих сил дала депутатские мандаты целой группе компетентных и свободомыслящих кандидатов. Сахаровский «Декрет о власти», который большинство на I Съезде народных депутатов не только отвергло, но и отказалось выслушать, остался важнейшим политическим документом, к идеям которого наше общество все равно будет обращаться снова и снова. Летом Сахаров стал одним из инициаторов и сопредседателей Межрегиональной депутатской группы, которая,

при всех ее очевидных слабостях, представляет наиболее последовательные перестроечные силы в нашем протопарламенте. Осенью, когда возникла опасность, что в ответ на паралич железных дорог в Закавказье и угрозу расширения забастовок чрезвычайные меры будут распространены на всю страну, Сахаров передал Горбачеву личное письмо, в котором предупреждал, что обращение к силовым методам, неоправданно широкое применение противопожарных мер — и не там, где горит, а повсеместно, — может привести к военному перевороту. Трудно пока сказать, как и почему сработал неизвестный нам механизм, изменивший намерения властей за одну ночь, но демарш Сахарова едва ли сыграл в этом малозначительную роль. И ушел из жизни он, как жил: продолжая борьбу на Съезде народных депутатов и оставив свое политическое завещание — проект новой Конституции...

<...> Общество неизбежно деградирует, если в его политической жизни отсутствует нравственное начало... На протяжении последних десятилетий у нас мораль в политике представлял Сахаров. В первую очередь и больше, чем кто-либо иной.

Волны ожесточения в стране и позорное антисахаровское буйство на Съезде народных депутатов в минувшем июне. Многочасовая очередь десятков тысяч людей, пришедших проститься в Сахаровым, на морозных московских улицах в декабре. Опустевшее кресло депутата, в котором невозможно представить кого-нибудь другого. Соболезнования высших руководителей государства, не рискнувших все же объявить всенародный траур. Премия имени Сахарова, присужденная Европарламентом возвращенному к политической жизни Дубчеку. Таковы характерные приметы исторического момента, с которого нашему обществу надо научиться жить без Сахарова.

Трудно понять и принять, что никогда более Андрей Дмитриевич не поднимется на трибуну митинга, не выйдет к микрофону Верховного Совета, не напишет книгу, статью или отклик на события дня. Что никогда не придут ходоки на улицу Чкалова ис-

кать правду и защиту. Но за последние три года его жизни Сахарова узнали не только читатели самиздата и слушатели радиоголосов — увидела и услышала начавшая думать и говорить не с чужой подсказки страна, в которой и для которой он жил. Идеи Сахарова, критерии Сахарова, нравственные императивы, которыми он утверждал, честь и совесть, которым он возвращал смысл, стали обретать теперь собственную жизнь. И в этом — надежда.

И СНОВА: ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Приведу фрагменты из моего выступления на круглом столе в Московском университете, состоявшемся 28 марта 1989 г. — в день, когда стали известны первые ошеломляющие итоги выборов на СНД СССР⁶⁸.

<...> Если [мой] анализ верен, то необходимо пойти дальше и взвесить возможные варианты развития событий, как они видятся ныне. Среди таких вариантов с различной степенью вероятности можно выделить три основных. Во-первых, это дальнейшая дестабилизация, которая, к несчастью, набирает силу в экономике, еще не имеющей опоры в виде рынка, но уже почувствовавшей расслабление административных скреп. Дестабилизация, видимо, будет распространяться на какие-то сектора социальной, а затем и политической сферы. Можно себе представить ту морально-нравственную и политическую атмосферу, которая неизбежно будет нарастать в коридорах ныне существующей власти, в кабинетах обкомов, горкомов и райкомов партии по мере того, как полностью выявятся результаты прошедших выборов и страна пойдет к выборам республиканским и местным. Нужно учесть и деморализацию людей, осуществлявших местную и отраслевую власть, которая особенно опасна в той мере, в какой она смыкается с непоследовательностью решений высшего политического руководства. <...>

<...> Есть и еще один фактор дестабилизации — реальность групповых эгоистических интересов, о которых здесь уже говорили. Все эти факторы, соединившись, могут подвести к развитию опасных, разрушительных социальных процессов, к деградации и развалу общества, если не будут приняты радикальные и сравнительно быстрые контрмеры. И тогда другие люди займутся переоценкой наших сегодняшних надежд и действий в духе высказываний Фиделя Кастро⁶⁹. <...>

<...> К чему может привести подобный ход событий? Здесь вырисовывается второй вариант, а именно — правый поворот или переворот, который либо пыгается пресечь начавшийся развал, либо производится превентивно. Я не думаю, что возвращение к прежней политической и идеологической дисциплине может всерьез и надолго решить трудные проблемы нашего общества на исходе XX в., но такие попытки могут быть сделаны, и чреваты они, конечно, непредсказуемыми, катастрофическими последствиями. Экономическая почва такого переворота — объективные трудности перехода к рыночной, плюралистической экономике после того, как десятки лет тщательно выкорчевывались все ее корни и корешки, инерция громадного государственного хозяйства... <...> Для правого поворота существует и социальная почва. Это развитие конфликтов, нарушающих элементарные условия привычной жизни, усталость общества и, конечно же, жизненные интересы обширного социального слоя или даже нескольких слоев, которые испытывают ностальгию по ушедшим временам. Политические условия такого переворота — все еще слабая организованность и влияние демократических сил, мощь партийно-государственного Левиафана, безотказность рычагов насилия, жестокость которых не раз проявлялась уже в годы перестройки в Минске, Ереване, даже в Москве.

Превентивный переворот может вытекать не только из реальной ситуации в данный момент, но и из объявленного политического календаря. Все мы помним, что «интернациональная помощь» консервативным силам Чехословакии была оказана 21 августа

1968 г. не потому, что накануне этого дня произошло что-то чрезвычайное, а потому, что оставалось всего лишь несколько дней до объявленного XIV съезда Компартии Чехословакии, который, совершенно очевидно, легитимизировал бы начавшийся в Чехословакии процесс. Мне не хотелось бы, чтобы мои высказывания звучали чрезмерно алармистски, но не следует забывать, что в нашем политическом календаре на ближайшие месяцы намечено немало событий, которые приверженцы старого порядка могут счесть нежелательными для себя: созыв Съезда народных депутатов, который, вероятно, не будет столь же управляем, как прежний Верховный Совет, деятельность нового Верховного Совета, объявленные на осень выборы в республиканские и местные Советы. Люди ощутили свою силу. И весьма вероятно, что этот разворот нисовой политической инициативы, который идет по нарастающей и так ярко проявился во время весенних выборов, проявится еще сильнее на локальных выборах. В этих условиях стремление обуздать демократического джинна, пока он еще не совсем вылез из бутылки, может породить различные авантюры. <...>

Есть ли третий вариант? На мой взгляд, еще время не потеряно, еще вполне возможен демократический переход. Нам нужна власть, во-первых, безусловно приверженная той программе, которая постепенно вырисовывалась в ходе перестройки: эффективная рыночная экономика, политическая демократия, правовое государство, идеологический плюрализм и т. д., во-вторых, сильная власть, опирающаяся преимущественно на силу авторитета, а не на авторитет силы. Но осуществление третьего варианта требует сейчас смелых, нерутинных решений. Традиции такого подхода в нашей истории есть. <...>

<...> Вновь необходимы срочные действия, которые могут спасти страну от опасного развития событий. Нужны целеустремленные совместные действия прогрессивных сил в высшем политическом руководстве и демократического актива, выдвинутого перестройкой. Мне кажется, что в сложившейся обстановке продолжение политической реформы, которое углубит

и сделает необратимым начавшееся обновление общества, надо вести с двух сторон.

С одной стороны, конституировать полновластные Советы. Съезд народных депутатов получил убедительный мандат из рук народа и является ныне самым представительным политическим институтом, быть может, за всю историю страны. Он должен осознать свою роль в политической структуре общества как действительно высший, суверенный орган государственной власти, над которым нет и не может быть никаких «инстанций». Он должен решительно противостоять любым попыткам свести свою роль к митингу, лишь одобряющему вне его подготовленные решения — едва ли можно сомневаться в том, что такие попытки будут предприниматься. Он должен гарантировать и себя, и назначенное им прогрессивное руководство страны от всякого рода неожиданностей, подобных тем, которые произошли в октябре 1964 г., а для этого необходимо возможно скорее поставить под собственный контроль непосредственно, через Верховный Совет и депутатские комиссии армию и все правоохранительные органы. <...>

<...> С другой стороны, чтобы переход происходил возможно более спокойно и безболезненно, необходимо провести обновление в партии.

Мне почти нечего и сегодня к этому добавить, кроме того, что жизнь показала иллюзорность надежды на полновластные Советы. В том же, что было сказано о перспективе, — причудливую комбинацию всех трех вариантов, а также незавершенность процессов, начатых перестройкой. Я и сейчас убежден, что главная вина и беда перестройки в том, что «целеустремленные совместные действия прогрессивных сил в высшем руководстве и демократического актива, выдвинутого перестройкой», — остались в области благожеланий.

Пятый год перестройки шел к концу. На сцене, наконец, появился парламент — союзный, предтеча российского. И все же

ощущение неразумно растрчиваемого времени усиливалось. «Потерянный год», — написал Анатолий Черняев⁷⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья была опубликована в 1990 г. издательством «Прогресс» в сборнике «Демографический диагноз». Нараставший развал, в том числе в издательской работе, выразился, в частности, в том, что мою правку «забыли» перенести из корректуры в экземпляр, направленный в типографию. В результате текст появился с грубейшими смысловыми ошибками и несообразностями. Искажены были цифры в таблицах. В данном издании все ошибки исправлены. Сокращения произведены исключительно ради экономии места и нигде не затушевывают тогдашнюю позицию авторов — А. Назимовой и В. Шейниса.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 8. — С. 119.

³ Сталин И. В. Соч. — Т. 8. — С. 32—33

⁴ Ленингр. правда. — 1989. — 7 апр.

⁵ Правда. — 1989. — 27 апр.

⁶ Известия. — 1988. — 28 апр.

⁷ Смена. — 1989. — 8 апр.

⁸ Сов. культура. — 1989. — 18 апр.

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — Т. 10. — М., 1958. — С. 887.

¹⁰ Первый съезд народных депутатов СССР: Стенографический отчет. — Т. 3. — М., 1989. — С. 84.

¹¹ Правда. — 1989. — 10 июля.

¹² После смещения Ельцина руководить столичной организацией был определен секретарь ЦК, чуть ранее переведенный из Ленинграда Лев Зайков.

¹³ На съезде в Бад-Годесберге в 1959 г. была радикально пересмотрена программа германской социал-демократической партии.

¹⁴ Этими словами депутат С. Червонопиский завершил свое выступление против Сахарова (Первый съезд народных депутатов СССР. — Т. 2. — С. 344).

¹⁵ Заметки на полях нашей статьи 1989 г.

¹⁶ Новые Известия. — 2004. — 16 июля.

¹⁷ Ст. 6 Конституции СССР 1977 г., воспроизведенная под тем же номером в Конституции РСФСР и всех иных союзных республик (Конституция и законы Союза ССР. — М., 1983. — С. 7).

¹⁸ Ст. 108 (Там же. — С. 22).

¹⁹ Болдин В. Крушение пьедестала. — М., 1995. — С. 340—341.

²⁰ В «партийную сотню» не вошли несколько членов ЦК КПСС — руководители республиканских ЦК и обкомов, которые были подвергнуты превратно-

стям выборов в округах и могли позавидовать своим коллегам с заведомо выигрышным билетом, а также министры (за исключением Николая Рыжкова), которым по новому закону состоять в депутатах не полагалось.

²¹ Идеологически из этой когорты выпадал, пожалуй, только В. Белов. Б. Олейник занемог синдромом мракобесия позднее (см.: *Олейник Б. Князь тьмы: Два года в Кремле.* — М., 1992).

²² *McFaul M. Russia's Unfinished Revolution. Political Change from Gorbachev to Putin.* — Ithaca; London, 2001. — P. 71.

²³ «Не парламент, а только рабочие Советы могут быть орудием достижения целей пролетариата, и, конечно, те, кто не понял этого до сих пор, суть злейшие реакционеры, будь то самый ученый человек, самый опытный политик, самый искренний социалист, самый начитанный марксист, самый честный гражданин и семьянин», — писал не стеснявшийся в выражениях Ильич (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. — Т. 41. — С. 65).

²⁴ Исключения — только кратковременный опыт Парижской коммуны 1871 г., которую большевики считали прообразом советской власти, и несколько еще более мимолетных эпизодов.

²⁵ *Попцов О.* Хроника времен «царя Бориса». — М., 1995. — С. 3, 31.

²⁶ *Сахаров А. Д.* Тревога и надежда. — М., 1990. — С. 265—266.

²⁷ Первый Съезд народных депутатов СССР. — Т. 1. — С. 223—224.

²⁸ Депутаты, зарегистрировавшиеся на Съезде в составе МДГ, составляли 14% от всего СНД и 17% Верховного Совета.

²⁹ В конце концов, так же поступят позднее российские демократы, «освободив» Россию от среднеазиатских ханов и закавказских абреков.

³⁰ Летом 1989 г. у меня дома группа московских интеллигентов-«перестроенчиков» встречалась с Адамом Михником. Услышав от нас о шахтерских забастовках, он искренне удивился: почему вы не там?

³¹ *Гордон Л. А.* Очерки рабочего движения в постсоциалистической России: Субъективные наблюдения, соединенные с попыткой объективного анализа промежуточных результатов исследования. — М., 1993; Крутой пласт: Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации и общероссийских перемен. — М., 1999.

³² Некоторые рабочие вожак тех лет позднее нашли свое место в президентской и региональной администрации, стали освобожденными профсоюзными работниками и депутатами. Один из них на шахтерском съезде в Новокузнецке в 1989 г. вызвал у нас интерес и горячие симпатии скромностью и фантастической самоотдачей делу. Потом он был избран депутатом и, освоившись в новой обстановке, в 1993 г. сделал выбор в пользу Хасбулатова. Мой коллега на вопрос, как ведет себя этот человек в комитете ВС по законодательству, досадливо махнул рукой.

³³ *Медведев В.* Прозрение, миф или предательство? К вопросу об идеологии перестройки. — М., 1998. — С. 142—150.

³⁴ *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // Собр. соч. — Т. 9. — М., 1958. — С. 320. Разумеется, большевики при этом не ссылались на русского классика и даже не ведали, что его герой — один из их идейных предшественников.

³⁵ «Надежды на то, что он [Гидаспов] может действовать в духе времени, в общем русле перестройки, — пишет Вадим Медведев, — не оправдались. Напротив, он попал под общее настроение в ленинградских верхах и занял жесткую позицию партийного фундаментализма, которая приносила одно поражение за другим». «Крутой поворот в сторону более догматичных, консервативных взглядов» совершил и новоназначенный первый секретарь столичного горкома Ю. А. Прокофьев (*Медведев В. А.* Прозрение, миф или предательство? — С. 141—142).

³⁶ *Brown A.* The Gorbachev Factor. — Oxford: Oxford Univ. Press, 1996. — P. 155—156.

³⁷ *Яковлев А.* Омут памяти. — М., 2001. — С. 455.

³⁸ Там же. — С. 496.

³⁹ Впервые он выдвинул эти предложения в секретной записке Горбачеву еще в декабре 1985 г. и не раз возвращался к ним позднее. Эта записка — исключительно интересный документ своего времени. Яковлев предложил небывалую конструкцию — Союз коммунистов СССР, возглавляемый одним председателем, но состоящий из двух конкурирующих на выборах партий — социалистической и народно-демократической. Сегодня эта идея выглядит довольно искусственной, но нельзя отвлекаться от того, когда и на каком уровне партийной иерархии она была выдвинута. Некоторые другие содержавшиеся в этом документе предложения (гласность, альтернативные выборы, независимый суд, рынок, бесцензурное продвижение информации, поворот во внешней политике) в той или мере были вскоре реализованы «архитекторами перестройки». «Реакция Горбачева была спокойной, заинтересованной, — пишет Яковлев. — Но он посчитал эти идеи преждевременными» (*Яковлев А.* Омут памяти. — С. 242—250, 292—293).

⁴⁰ Запись интервью с А. Н. Яковлевым 20.07.2004. — Архив автора. «Надо было просто покинуть съезд и попытаться создать партию социал-демократического типа...» — написал он и в своей книге... Летом 1990 г. «сложилась благоприятные условия для создания второй партии» (*Яковлев А.* Указ. соч. — С. 337, 346).

⁴¹ Запись интервью с В. А. Медведевым 28.06.2004. — Архив автора; *Медведев В. А.* Прозрение, миф или предательство? — С. 136—150.

⁴² Запись совещания у Л. И. Абалкина с группой ученых-обществоведов 04.05.1990. — Архив автора.

⁴³ Выступление А. Д. Сахарова перед коллективом ФИАН 11.12.1989. — Архив автора.

⁴⁴ Резолюции и выступления участников митинга сотрудников АН 02.02.1989. Листовки. — Архив автора.

⁴⁵ Всем согласившимся отозвать на этой стадии свои кандидатуры инициативная группа гарантировала, что если Академия займется повторным выдвижением, их поддержат несколько институтов. Однако это, к сожалению, не возымело действия.

⁴⁶ На конференции, проходившей 20—22 марта, было зарегистрировано: академиком и членом-корреспондентов с правом голоса — 901, выборщиков от институтов — 554.

⁴⁷ Запись выступлений на конференции АН 20.03.1989. — Архив автора.

⁴⁸ Получили бюллетени 1285 делегатов, проголосовали 1278. Проходной балл был 640. На стене висело изготовленное Собяниным наглядное пособие «Как правильно голосовать». На листе был изображен избирательный бюллетень, в котором были аккуратно вычеркнуты все 23 кандидата. В качестве примера «неправильного» голосования был вывешен перечеркнутый крест-накрест бюллетень (опасались, что не задетые при таком перечеркивании кандидаты будут признаны получившими поддержку). Наибольшее число голосов получил А. В. Гапонов-Грехов («за» — 791, «против» — 487; это, видимо, был предел возможностей для противников официального списка). Замыкал список из 8 избранных депутатов Ж. И. Алферов (659 «за», 619 «против»). Бедолага В. С. Михалевич занял 23-е место.

⁴⁹ На конференцию было прислано 15 обращений с возражениями против кандидатуры Сахарова, в том числе от военнослужащих Академии бронетанковых войск, действующих и отставных генералов.

⁵⁰ Поскольку присутствовавший во всех наших списках Шаталин в день голосования неожиданно выступил с самоотводом, инициативная группа по предложению сотрудников Института США и Канады приняла оперативное решение поддержать Арбатова. Ему невольно подсобили антисемиты, выставившие пикет с лозунгами против «сиониста» Арбатова.

⁵¹ Первый съезд народных депутатов СССР. — Т. 1. — М., 1989. — С. 227.

⁵² Там же. — С. 234

⁵³ Попов Г. Снова в оппозиции. — М., 1994. — С. 50.

⁵⁴ Не считая большинства депутатов от прибалтийских республик, с которыми была достигнута договоренность, что они свое членство в группе формально не фиксируют, но будут координировать с нею свои действия. Из 388 депутатов 286 жили и работали в РСФСР, 48 — на Украине. Близкую цифру приводит Попов: до 300 человек (Там же. — С. 50).

⁵⁵ Рассказывая здесь о дискуссии, происходившей на июльском собрании МДГ, я опираюсь на Информационный бюллетень МДГ от 15.09.1989 и собственные записи. — Архив автора.

⁵⁶ Все это Примаков повторил, придя на встречу с сотрудниками ИМЭМО в конце сентября. И добавил, обращаясь ко мне: «Виктор Леонидович все это знает. Он сочувствует депутатам МДГ. Так вот, передайте своим друзьям: “Нужен

ли дискуссионный клуб? Да, нужен. Но нужна ли замкнутая организация, которая становится в оппозицию, деятельность которой приобретает характер политиканства?”». Как видим, ответ власти межрегионалам был недвусмысленным и некорректным: замкнутую организацию никто в МДГ создавать не собирался.

⁵⁷ Спустя 10 лет Гельман заметно смягчил свою позицию: «Противодействие нашей группе, конечно, имело место, но было достаточно щадящим, терпимым, оно не помешало становлению МДГ, ее росту, обретению авторитета в массах. Горбачев щадил оппозицию, конечно, не из любви к Ельцину, а из принципа. Из уважения к демократическим ценностям» (Общая газ. — 2001 — 1—7 марта).

⁵⁸ Кампания против Ельцина была развернута в партийной печати. Грубые выпады содержало письмо, подписанное неким рабочим и опубликованное в «Московской правде». В ответ член избирательной команды Ельцина Музыкантский предложил организовать выступление демократических кандидатов в его поддержку. Подписи под письмом собрали члены Московского народного фронта. Конечно, ни одна официальная газета не готова была его опубликовать. Однако сначала Мурашев огласил его, выступая в предвыборных дебатах на московском канале ТВ, а на следующий день вся Москва была оклеена листовками с текстом этого обращения. Успех был колоссальный: не только Ельцин, но и все подписавшие письмо (за одним исключением) были избраны (запись интервью с А. Н. Мурашевым 23.06.2004. — Архив автора).

⁵⁹ Помощники Ельцина утверждают, что идея «множественности» сопредседателей принадлежала Попову. «Это был... единственный спасительный выход» (Эпоха Ельцина. — М., 2001. — С. 68).

⁶⁰ Пальм и Сахаров получили менее половины голосов, но таковы были правила игры. За избранными сопредседателями с большим отрывом шли Бочаров (44 голоса), Бурбулис (42) и Станкевич (35).

⁶¹ В состав Координационного совета баллотировались 60 депутатов. Наибольшее число голосов получили Емельянов (108), Собчак (107), Черниченко (105).

⁶² Попов Г. Указ. соч. — С. 70—73.

⁶³ Записи интервью с А. Мурашевым 23.06.2004 и Э. Бурбулисом 26.07.2004. — Архив автора.

⁶⁴ Яковлев А. Омут памяти. — С. 497.

⁶⁵ Записи на заседании МДГ 23—24.09.1989 — Архив автора. Позиция Болдырева, которая была мне наиболее близка, изложена не только на основе его краткого выступления на сентябрьском собрании МДГ, но и более пространно — на заседании «Московской трибуны» 18 ноября 1989 г.

⁶⁶ Статья опубликована в журнале «Рабочий класс и современный мир» (1990. — № 1. — С. 3—6).

⁶⁷ Хотя вопрос о Сахарове был впервые поднят в политбюро в начале 1986 г., его решение затянулось на много месяцев и прошло ряд этапов. Сначала

Андрею Дмитриевичу было позволено вернуться в Москву, затем он был допущен к общественной деятельности (в 1988 г. Сахарова избрали членом Президиума АН СССР), ему разрешили выезжать за границу. С инициативой об отмене позорных постановлений в ЦК партии неоднократно обращался вице-президент Академии наук Евгений Велихов. Предложение Горбачеву импонировало, но он вынужден был считаться с заключением КГБ о том, что Сахаров — «обладатель секретов государственной важности» (по словам Велихова, они давно уже такими быть перестали). Вопрос несколько раз рассматривали на политбюро, где его и блокировали. В конечном счете, как сказал Яковлев, решение приняли вопреки сопротивлению «мохнаторыльных» и «при молчаливом несогласии» его членов. Медведев формулирует это чуть иначе: «при молчаливом согласии» (записи интервью с А. Н. Яковлевым 20.07.2004 и В. А. Медведевым 28.06.2004).

⁶⁸ Круглый стол «Плюрализм в социалистическом обществе: Пути утверждения в условиях перестройки» // Вестник Моск. ун-та. — Сер. 12. Теория научного коммунизма. — 1989. — № 4. — С. 35—38.

⁶⁹ Кубинский лидер, отметив, что «некоторые социалистические страны критикуют то, что они делали в течение многих лет», что «империализм стремится изобразить сейчас социализм как нечто, потерпевшее провал», призвал «защищать социализм, когда он переживает трудности на международном уровне» и вести решительную борьбу с «империализмом» (Там же. — С. 22—23).

⁷⁰ Черняев А. Шесть лет с Горбачевым. — М., 1993. — С. 264.

часть 2

1990. КОНЕЦ «РЕВОЛЮЦИИ СВЕРХУ»

В России происходит только невозможное.

Закон вероятности по-русски.

В 1990 г. инициатива перешла к силам, стоявшим вне официальных партийно-государственных структур СССР. Эти силы становятся самостоятельным (а не вспомогательным, как раньше) фактором общественного развития. Главные события года — республиканские и местные выборы, I Съезд народных депутатов России, Декларация о государственном суверенитете РСФСР с ее неоднозначными последствиями. На арену выходит российский парламент. Ельцин заявляет себя как политическая фигура, альтернативная Горбачеву.

Меняется роль КПСС. В лице российской компартии консервативные силы получают собственную организованную базу. Принимая во внимание роль России в Союзе, это — событие всесоюзного значения. Реформаторское руководство КПСС, уже раньше переставшее действовать на опережение, теперь все более отстает от процессов, стремительно разворачивавшихся в экономике, политической жизни, идеологии и даже во внешней политике. Неудачей заканчивается попытка спасти партию, переведя ее на демократическую платформу. Внутри КПСС у демократов более перспектив нет. Отныне процессы в партии имеют только со-